

ИНТЕРВЬЮ: КУЧЕРА СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ
Interview with professor STANISLAV KUCZERA

Проект: «Китаеведение – устная история» China Studies: Oral History

The project is supported by the «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Кучера Станислав Иосифович (О) Китаевед, д.и.н., ИВ РАН Место интервью: Москва Дата: апрель-сентябрь 2009 Запись интервью и комментарии: Дмитриев С. В. (В) ИВ РАН Продолжительность: 8 часов Объем: 163 090 знаков, 90,5 стр. по 1 800 знаков с пробелами, 4,1 а. л.	Stanislav I. Kuczera Sinologist, PHD history (IOS RAS) Place: Moscow Date: April – September, 2009 Hosted and comments by: Dr. Sergey Dmitriev, IOS RAS Duration: 8 hours Volume: 90,5 pages
--	---

Краткие сведения: Кучера Станислав-Роберт. Один из крупнейших знатоков китайской истории, главный научный сотрудник Отдела Китая ИВ РАН д.и.н., профессор Станислав Роберт Кучера родился 5 мая 1928 в Польше, в г. Львов. В 1947, после окончания лицея, поступил в Институт востоковедения Варшавского университета (Instytut Orientalistyczny Uniwersytetu Warszawskiego), который закончил в 1952, защитив под руководством крупного польского востоковеда Витольда Яблонски (Witold Jabłoński) работу «Основы даоской философии» и получив степень магистра философии в области востоковедных наук. С 1951 по начало 1953 работал в Варшавском университете в качестве ассистента. В феврале 1953 был направлен для обучения в аспирантуре в Китай, в Пекинский университет, где в 1960, единственный среди иностранных студентов, защитил под руководством члена-корреспондента Академии наук КНР Чжан Чжэн-лана диссертацию на китайском языке на тему «Классовая структура древнекитайского общества на основе материалов “Чжоу ли”», причем защита вызвала огромный интерес китайских ученых. С марта 1958 по октябрь 1959 работал преподавателем, потом руководителем кафедры польского языка и культуры Пекинского института иностранных языков.

Вернувшись в декабре 1960 в Варшаву, С. Кучера некоторое время был стипендиатом Министерства высшего образования ПНР, с апреля 1961 работал в Польском институте международных отношений (Polski Instytut Spraw Międzynarodowych) в качестве адъюнта. В августе 1966 переехал в Москву. С апреля 1967, по приглашению академика Н.И. Конрада, на научной работе в Институте народов Азии АН СССР (позже

переименованного в Институт востоковедения АН СССР). В 1981 защитил докторскую диссертацию на тему «Китайская археология 1965-1974 гг.: палеолит-эпоха Инь. Находки и проблемы». В 1988-2002 занимал должность профессора кафедры древнего мира Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, преподавал в Российском Государственном Гуманитарном Университете.

С. Кучера является членом Российского археологического общества, Европейской ассоциации китаеведения (European Association for Chinese Studies). В 1993 избран членом Народной Академии России, 2 апреля 1998 стал академиком РАЕН. С. Кучера принимал участие в ряде международных конференций: XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVII, XXVIII Международных конгрессах синологических исследований, XXIX, XXX и XXXVII Конгрессах востоковедов, XIV Тихоокеанском научном конгрессе, Международном конгрессе Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии, Международном симпозиуме по проблемам культуры Ся в Калифорнийском Университете (Лос-Анджелес).

В 1988 и 1989, во время поездок в Пекин, им было прочитано два научных доклада в Пекинском университете и Китайском народном университете. В мае 1993 С. Кучера прочёл курс из четырёх лекций для аспирантов Высшей школы социальных наук (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales) в Париже, затем – два научных доклада в Китайской Республике на Тайване. С октября 1995 по март 1996 был приглашён для проведения научной работы в Academia Sinica (Тайвань), за этот период им было прочитано шесть научных докладов, в марте 1996 прочёл лекцию в Сингапурском университете. Значительное количество докладов было прочитано им в разное время в научных учреждениях Польши.

Основные сферы научных интересов: китайская археология и палеонтология, история древнего и средневекового государства и права, история китайской культуры, палеография и эпиграфика, текстология.

Основные работы (Main Publications): Китайская археология, 1965-1974 гг. Палеолит – Эпоха Инь. Находки и проблемы. – М., 1977, 268 с.; Древнейшая и древняя история Китая. Древнекаменный век – М., 1996, 431с.; Шу цзин («Книга истории») // Древнекитайская философия. М., 1994; Историография истории древнего Китая. // Историография древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай. – М., 2002, с 163-301. Литература о жизни и трудах: Основные научные труды С. Кучеры. / Сост. Т. П. Сиренко // Восток. – М., 2004, № 4, С. 207-209

Текст интервью:

В: Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста, кто Вы, где и когда родились, где и кем работаете?

О: Здравствуйте. Меня зовут Станислав Кучера. Родился 5 мая 1928 года в городе Львов, который тогда принадлежал Польше, а ныне входит в

состав Украины¹. По специальности я китаевед, историк. Работаю в отделе Китая Института востоковедения РАН.

В: Когда Вы впервые узнали, что существует такая страна, как Китай, и как это произошло?

О: Я этого не помню, это было очень давно, во всяком случае, уже в начальной школе я это точно знал, и что есть такая страна, и где она находится.

В: Каким был изначальный образ Китая в Вашем восприятии еще в то время?

О: Большая страна, где живут люди, цвет лица которых отличается от нашего. Конечно, в этой картине был какой-то элемент экзотики. Но я не помню, чтобы это вызывало во мне какой-то особый трепет. Это появилось, когда я стал читать разную литературу, в том числе и художественную. Именно тогда проявилось представление об оригинальности китайской культуры.

В: Кто повлиял на Ваши интересы и выбор профессии (родители, друзья, знакомые)?

О: Это было моё абсолютно самостоятельное решение, причем принятое в буквальном смысле слова на улице. Я шел, возвращался к себе домой, и меня осенило, что я хочу заниматься наукой. Потом, когда я уже поступил в университет, то понял, что мне интересно заниматься именно китаеведением.

В: А что послужило причиной этого озарения, как Вы полагаете?

О: Я не могу этого сказать, хотя я очень хорошо помню этот момент. Это было весной 1940-го года, шла Вторая мировая война. Мы находились под советской оккупацией. Уже была капель, солнце, было тепло. Я возвращался домой и проходил мимо театра, который тогда был украинским. Это было уже советское время, но он был украинским театром и до войны, и так им и остался. И я, вдруг, понял, что хочу заниматься наукой. Я ещё не знал, каким предметом именно, какой областью науки я буду заниматься. Но то, что я буду ученым, уже для меня не составляло вопроса. Так оно и получилось.

В: А кем Вас хотели бы видеть родители, Вы знали?

О: К тому времени у меня уже был только отец, мама умерла раньше. Но у нас никогда на эту тему разговора не было. Я не думаю, что, даже если мама была бы жива, они не хотели бы в этот вопрос вмешиваться, главным было моё желание. Я очень хорошо помню, что я пошел в школу на год раньше, чем тогда было положено, по своему собственному настоянию. Для того, чтобы пойти на год раньше, нужно было иметь

---

¹ Львов был включен в состав СССР вместе с другими восточнопольскими территориями в сентябре 1939, после раздела Польши между СССР и гитлеровской Германией (в соответствии с т.н. секретным протоколом пакта Молотова-Риббентропа).

специальное разрешение образовательного органа, который назывался Кураториум, это что-то вроде советского РОНО. И я попросил родителей, чтобы они пошли и устроили это дело. И поскольку я очень на этом настаивал, это было сделано. Я не знаю, почему я так уж рвался в школу на год раньше, для этого не было внешних причин, просто очень хотел. Я вообще сильно отличался от других учеников. Я очень любил всякого рода контрольные работы, охотно отвечал у доски, сдавал экзамены. Когда начинались летние каникулы, то, конечно, я встречал их с радостью. Но уже второй месяц был мне в тягость, и я уже хотел вернуться в школу. Последние дни я уже, как говорится, сидел как на иголках – очень хотелось пойти в школу.

Школа у нас была очень хорошая, до войны только мужская. Совместное обучение было введено только при советской власти². Преподаватели тоже были только мужчины, причем настоящие педагоги. Вообще, в Польше это была очень престижная и хорошо оплачиваемая профессия, куда шли лучшие люди, которые действительно хотели учить детей. Я помню, у нас был учитель-математик, который был настолько интересным человеком и настолько заботился о том, чтобы мы всё понимали, что очень много занимался с троечниками после занятий. Так что, даже самые тупые всё понимали. Так вот, я помню, что во время большой перемены, когда учителя завтракали, то мы бились друг с другом, чтобы отнести ему завтрак из столовой. В итоге, один из нас нёс подстаканник, второй нёс стакан с чаем, третий нёс сахар, а четвертый – какой-нибудь бутерброд или пирожное. В учительскую мы входили по очереди, и это было очень смешно. Другие учителя нас ругали, потому что мы своей процессией им мешали. Но ничего нельзя было с нами сделать – мы его очень любили, как и других учителей. Директора я помню до сих пор, это был очень серьезный и суровый мужчина, с седой бородкой, и хотя мы его немножко побаивались, но чтобы сделать ему какую-нибудь гадость – это было немыслимо.

Это была очень хорошая школа. Причем это была школа в типичном рабочем районе, бедном районе, где двухкомнатные квартиры были роскошью и редкостью. Несколько иначе всё было на уровне старшей школы, в лицеях и гимназиях. Существовали так называемые «именные» лицеи. Я, например, потом в Варшаве ходил в лицей имени Словацкого³, это был один из четырех лучших лицеев Варшавы: был лицей имени

---

² В СССР обязательное совместное обучение для мальчиков и девочек было введено в мае 1918. В 1943 в школах крупных городов было введено раздельное обучение, однако в 1954 реформа была отменена.

³ *Юлиуш Словацкий* (Juliusz Słowacki) (1808-1849), польский поэт и драматург, одна из ведущих фигур польского романтизма.

короля Стефана Батория⁴, лицей имени Словацкого, имени Мицкевича⁵, и ещё какой-то, я не помню. Кроме того, были частные пансионы. Там уровень был очень высокий, но там нужно было платить. Но наша начальная школа была совсем обычная, в бедном районе, но всё равно очень хорошая. Мы жили нормально, никто не голодал, но часть учеников в классе не могли принести с собой второй завтрак. У нас до войны не было столовой, и те из нас, кто мог принести чуть больше – приносили и делились.

Класс был очень дружный, мы были вместе от первого класса до 1939 года, до пятого класса, без всяких изменений. Вот потом они (изменения) произошли – в той школе, где мы учились до войны, это было четырехэтажное здание, она размещалась рядом с какими-то армейскими складами, поэтому в ней сделали казармы, а нас перевели в другое здание, и это не всем было удобно. Второе изменение произошло в декабре 1939 года, потому что начали вывозить в Сибирь. Из нашего класса прямо в первой группе, 23 декабря 1939 года сразу исчезло примерно треть класса, десять человек, потом выяснилось, что они вместе с родителями были вывезены с Советский Союз и пропали.

В: Как и почему Вы стали китаеведом (занились и изучением Китая)?

О: Этого я не могу сказать. Боюсь, на такой вопрос вообще нельзя ответить. Я вполне мог бы стать, например, тюркологом. Вероятно, тут какую-то роль могли сыграть два обстоятельства. Во-первых, есть такой венгерский роман, который называется «Сдвинем мир с постамента». Это очень хорошо звучит по-польски, значит – «будем действовать, чтобы идти вперед». И автор – Йокаи⁶ – там описывает венгерскую ситуацию. А тогда, когда он писал, и особенно в то время, о котором он писал, ещё было не вполне ясно, откуда венгры взялись в Европе. В романе описано несколько талантливых и образованных востоковедов, которые занимались именно этим вопросом. Причем это вымышленные люди, но они описаны как очень эрудированные. В частности, там есть такая сцена, как ректор разговаривает с преподавателем, который чем-то проштрафился. И, вот, он ему первый вопрос задает по-венгерски. Тот ему отвечает на хинди. Он его

---

⁴ *Стефан Баторий* (István Báthory, Stefan Batory) (1533-1586). В 1571-1576 – князь Трансильвании, с 1575 – король Польши.

⁵ *Адам Бернард Мицкевич* (Adam Bernard Mickiewicz) (1798-1855), один из величайших польских поэтов эпохи романтизма, публицист.

⁶ *Мор Йокаи* (Mór Jókai, Móric Jókay de Ásva) (1825-1904), венгерский романист и драматург, один из наиболее значимых венгерских писателей XIX в. В его книгах ощущается влияние Вальтера Скотта, Александра Дюма-отца, Чарльза Диккенса. Речь идёт о его романе 1872 «Eppur si muove – És mégis mozog a föld» («И всё-таки она вертится»), вышедшем в 1886 г. на польском языке под названием «Poruszymy z posad ziemię» («Сдвинем мир с постамента»).

спрашивает на хинди, но тот ему отвечает по-арабски; потом он ему задает вопрос на арабском – а тот ему отвечает на татарском. И тут он перестает ему задавать вопросы, потому что этот ректор не знал китайского языка и испугался, что тот ему ответит по-китайски, и он не поймет. Почему-то эта сцена и вообще эта книжка произвела на меня большое впечатление, а детские впечатления очень устойчивые. А второй момент, наверно, более существенный. Как известно, Польша понесла огромные потери во время мировой войны. Поэтому когда я пришел в Варшавский университет, в Институт ориенталистики⁷, то там было всего два профессора, это был профессор Зайончковски⁸, специалист по Ближнему Востоку, прекрасный арабист, тюрколог и иранист, и профессор Витольд Яблонски⁹, который

---

⁷ Институт ориенталистики Варшавского университета (Instytut Orientalistyczny Uniwersytetu Warszawskiego) основан в 1932, среди четырёх первоначальных кафедр одна была китаеведческой. В 1952 включен в состав Факультета филологии. С 2005 Институту возвращен статус факультета, с 2008 г. называется Факультетом ориенталистики (Востоковедным факультетом) (Wydział Orientalistyczny). На данный момент на 11 кафедрах (в том числе синология, японистика, монголоведение) работает 130 сотрудников, обучение проходит 1200 студентов.

⁸ *Ананиаш Зайончковски* (Ananiasz Zajaczkowski) (1903-1970), польский востоковед, один из крупнейших караимских учёных, филолог, историк и лингвист. Аджюнк-профессор Варшавского университета (1935), профессор (1946). Возглавлял кафедру тюркологии Варшавского университета (в 1935-1939 и 1950-1969), кафедру ориенталистики (1945-1950 гг.), возглавлял Институт ориенталистики Варшавского университета (1945-1950, 1957-1961) и Департамент тюркологии и иранистики Института ориенталистики (с 1961 по 1969), В 1945-1950 также был профессором и заведующим кафедрой ориенталистики Вроцлавского университета. В 1948-1950 – научный сотрудник Студии восточных языков Института международных отношений в Варшаве. Член-корреспондент Польской АН (ПАН) (Polska Akademia Nauk, основана в 1951 г.). Академик (1961). С 1948 член-корреспондент Польской академии учености (Polska Akademia Umiejętności, основана в 1873). В 1953-1969 – директор Отдела ориенталистики ПАН (одновременно руководил Лабораторией лексикографии и лабораторией Ближнего и Среднего Востока). О нём см. [*Biogramy uczonych polskich, Część I: Nauki społeczne, zeszyt 3: P-Z, Wrocław, 1985*].

⁹ *Витольд Анджей Яблонски* (Witold Andrzej Jabłoński) (1901-1957), виднейший польский синолог, основатель польского китаеведения. Изучал филологию в Варшавском университете, в 1924-1930 учился в Париже. В 1930-1932 – консультант комиссии Лиги Наций, разрабатывавшей проект реформы образования в Китае; в 1931-1932 преподавал французский язык и литературу в университете Цинхуа (Пекин). В 1933 защитил в Варшавском университете докторскую диссертацию на тему «Личное чувство и конформизм в *Ли цзи*» и получил пост преподавателя китайского языка в Ягеллонском университете (Краков). Одновременно старшим ассистентом Ориенталистского семинара в Варшавском университете, в 1935, после защиты работы «Детские речи (*сяо-хай-эр юй*) в Пекине. Эссе о народной поэзии Китая» стал доцентом этого семинара. В 1937-1938 читал лекции по сравнительному языкознанию в Яньцзинском университете (Пекин). В годы войны, когда университеты в Польше были закрыты оккупационными властями, проводил подпольные семинары для студентов: в случае предательства это могло бы стоить и ему, и его ученикам жизни. В 1945-1947

занимался Дальним Востоком и, в частности, Китаем. Они оба были очень образованными людьми. Вообще, вся довоенная профессура состояла из людей исключительно образованных, все они свободно говорили на нескольких языках. Как минимум, все они знали немецкий, французский и английский. Как правило, знали еще и русский, но это я не проверял. А вот во время приезда западных ученых я имел возможность слышать, как они разговаривали. Яблонски учился и преподавал во Франции, преподавал французскую литературу в Пекине, разговорный китайский язык он, конечно, тоже знал.

Влияние профессора Яблонски на меня было очень большим. Он был интеллигентом очень широкого образа мышления, интеллигентом с легким шармом необязательности и легкости. Поэтому его занятия были очень интересными, хотя тогда они были для меня малопонятными. Например, он мог начать занятие по истории с рассказа про Цинь Шихуан-ди, сбиться и начать цитировать какую-нибудь поэзию, которая как-то с этим связана. Но от неё он переходит к поэзии, которая с этим никак не связана, а потом от поэзии – вообще к архитектуре или искусству. Конечно, если бы я сейчас имел возможность побеседовать с ним, то это было бы для меня крайне интересно, потому что это падало бы на подготовленную почву. А тогда мне всё это было настолько в диковинку, что я почти ничего не успевал схватить. Первые два года я был вообще единственный его студент. Поэтому он, например, приходил в аудиторию и говорил так: «Пане Станиславе, зачем мы будем тут сидеть, тут неподалеку есть хороший ресторан. Пойдемте, проведем наш семинар там». Мы шли в этот ресторан, он заказывал обед или ужин, в зависимости от времени дня, который он и оплачивал. Я думаю, он это делал и для того, чтобы меня немножко подкормить, потому что моё материальное положение тогда было не очень хорошим. И там мы разговаривали и вроде как вели этот

Яблонски был консультантом посольства Польши в Нанкине. В 1947 возглавил кафедру синологии Варшавского университета, адъюнкт-профессор (1948). С 1952 – директор Института ориенталистики, исполнял обязанности декана гуманитарного факультета (в 1950-1951) и философского факультета (1951-1952). Также возглавлял отдел Дальнего Востока в студии Восточных проблем и языков (1948-1950) и лабораторию Дальнего Востока в Отделе ориенталистики ПАН (с 1956).

Основной сферой научных интересов Витольда Яблонски была китайская литература и религия. При участии своих учеников Януша Хмелевски и Ольгерда Войтасевича он первым в Европе выполнил полный перевод даосского трактата *Чжуан-цзы* (в 1953 г., книга была отмечена государственной премией). В 1958 вышел его перевод «Чуских строф» Цюй Юаня (выполненный вместе с теми же соавторами). В 1934 Яблонски представил проект польской транскрипции китайского языка, в 1956 инициировал работу по созданию польско-китайского словаря. Всего опубликовано ок. 70 научных работ. О нём см. [*Biogramy uczonych polskich*, Część I: Nauki społeczne, zeszyt 1: A-J, Wrocław 1983].

семинар. Но какой может быть семинар, если играет оркестр, или хотя бы фортепиано, ты ешь, и всё такое прочее.

Но самое главное – он был влюблен в Китай и в китайскую культуру, и мне это передал. Я ведь занимаюсь Китаем не потому, что мне за это платят или это моя обязанность, а потому что мне это интересно, и я тоже люблю Китай. Я люблю Китай, китайскую природу, я с большим удовольствием ездил по Китаю, хотя это было тяжело. Даже сейчас железные дороги в Китае – это сплошной кошмар, а тогда это было тем более непросто. Думаю, в моём поколении иностранных студентов, обучавшихся в Китае, не было больше никого, кто бы увидел в Китае столько, сколько увидел я. Это именно заслуга профессора Яблонски. Такой его подход меня очень сильно подтолкнул к тому, чтобы заниматься китаеведением.

Также существенную роль сыграл ещё один профессор, профессор Раношек¹⁰, который был крупным специалистом по клинописи и вообще древнему Ближнему Востоку, по шумерам, аккадцам и так далее. Он был крупнейший польский специалист по этим проблемам. Он, кстати, сильно пострадал во время войны, у него вся правая сторона лица была обожжена. Я ходил на некоторые его занятия, и он мне как-то разъяснил то, что я до того времени не понимал. Я считал тогда, что ориенталистика – это один предмет, как, например, физика, а он мне открыл глаза, сказав, что я не могу заниматься всеми этими проблемами. А я тогда ходил на китайский, на японский, на шумерский, на древнеегипетский, по персидскому я даже сдал магистерский экзамен, который длился три часа для одного человека! А он мне сказал, что я должен выбрать одну дисциплину, и поскольку, как ему кажется, китаистика меня привлекает больше других, то, может быть, мне стоит сосредоточиться на ней. Так оно и произошло! Я поговорил об

---

¹⁰ *Рудольф Раношек* (Rudolf Ranoszek) (1894-1986), польский филолог, специалист по древнему Востоку. В 1914 начал изучать филологию в Вроцлавском университете, в 1922 защитил докторскую диссертацию на тему «Письмо хеттского царя Хаттусили вавилонскому царю Кадашман-Энхилу, начало XIII в. до н.э.», работал учителем в гимназии. В 1933-1934 работал ассистентом в Институте ориенталистики львовского Университета Яна Казимира. В 1935, защитив работу «Хроника хеттского царя Тутхальяса IV», получил пост доцента в Варшавском университете. После оккупации Польши немцами был угнан на работы на заводах концерна Reichwerke Hermann Göring в г. Ватенштедт в Брауншвейге. В 1948 возобновил работу в Варшавском университете, с 1947 – зам. профессора на созданной им кафедре филологии Древнего Востока филологического факультета Варшавского университета, адъюнкт-профессор (1949). С 1954 – заведующий этой кафедрой, профессор (1958). Работал в области шумерологии, ассиурологии, хеттологии. В 1964 вышел в отставку. В 1985 избран почетным доктором Силезского университета в Катовице. Награжден четырьмя степенями (II-V) Ордена Возрождения Польши. В его родном городе Ястшембе-Здруй (Jastrzębie-Zdrój), в Силезии, открыт посвященный ему музей. О нём см. [Józef Musioł. *Rudolf Ranoszek*. Warszawa, 1984].

этом с Яблонски и другими профессорами и понял, как это всё выглядит. Поэтому я окончательно решил ограничиться синологией, хотя и решил всё же сдать тот экзамен по персидскому языку. Кстати, потом это мне пригодилось. У нас тогда выделили специальную типографию с восточными шрифтами, и мы вели специальные занятия для рабочих по восточным письменностям. И я вёл как раз экзамены по арабской азбуке. И среди них был один человек, которому это так понравилось, что он начал заниматься этим специально. Потом, после моего возвращения из Китая, он со мной встретился: я делал доклады в Обществе польско-китайской дружбы¹¹, и он пришел на мой доклад. Оказалось, что он закончил технический вуз, стал инженером, но продолжал работать с арабскими и персидскими книгами.

В: А вообще, когда Вы учились, студентов было много?

О: Нет, когда я учился, это вообще была трагедия. Когда я пришел, нас было девять человек, из которых я остался один. Когда я перешел на второй курс, то на первый курс пришло еще несколько человек. Они продержались месяц или два – и ушли. Дело в том, что у людей не было материальных возможностей, они не могли посвящать учебе много времени, а предмет был сложный. Только когда я был на третьем курсе, пришла целая группа, которая насчитывала где-то 12-15 человек. Они были гораздо моложе, они пришли в университет в положенном для этого возрасте. До этого все мы были, так сказать, старики – то есть, на два, три, четыре года старше, чем должны бы были быть. Много было таких, кто начал учебу ещё до войны и теперь вернулись в университет после длительного перерыва. А это пришла уже молодежь. У них была лучше подготовка, у них были родители (мы почти все были одинокими). Поэтому многие из этой группы закончили университет. Потом стали принимать систематически, на каждую специальность – раз в два года. На китаеведение принимали раз в два года 12 человек.

В: А когда в образовании стало чувствоваться советское влияние?

О: Уже когда я поступал, в 1947 году, то уже был вступительный экзамен, которого до войны не было. И в рамках этого экзамена появилась дисциплина, которая тогда ещё не называлась марксистско-ленинской

---

¹¹ Общество польско-китайской дружбы (Towarzystwo Przyjaźni Polsko-Chińskiej) основано в 1957 в Гданьске представителями крупных польских компаний, работавших с Китаем. Первый съезд прошёл 17 мая 1958 в Варшаве. Во времена расцвета (до первой половины 1960х) Общество насчитывало до 20 тысяч членов, выпускало ежемесячник «Китай» («Chiny»), затем – «Горизонты» («Horyzonty»), организовывало множество выставок и лекций по всей Польше. После ухудшения советско-польских отношений в середине 60-х гг. деятельность Общества фактически прекратилась, возобновилась она только в 1985. Однако в 1989, с падением коммунистического режима, Общество лишилось государственного финансирования и его деятельность вновь оказалась под угрозой. После 2000 ситуация несколько улучшилась, возобновили работу многие отделения в провинции. См. [<http://www.tppch.pl/historia.htm>].

философией, но, по сути, ей и была. Меня там спрашивали, помню, про социалистическую партию Польши, про рабочую партию Албании, что-то такое. Тогда была такая система, что после каждого курса мог быть или коллоквиум, то есть, зачет, или экзамен. Таких курсов надо было набрать шесть, причем совершенно неважно, каких. Я мог пойти на право, или на историю Древнего Рима, и сдать там экзамены. Минимум два экзамена должно было быть по своей специальности – язык и ещё что-нибудь, культура, литература или история. Кроме того, надо было сдать три магистерских экзамена – они не были связаны с курсом, но связаны с избранной специальностью. Их обязательно должен был принимать профессор, а не ассистент, как могло быть на обычных экзаменах. Если ты историк, то неважно, слушал ты курсы или нет, ты должен был сдать экзамен по мировой истории. Поскольку я шел по линии филологии, я должен был сдавать языкознание. Я должен был знать практически все, что в этой сфере сделано. Я не должен был знать языки, но должен был иметь представление о теориях в языкознании, ведущих ученых и так далее. Второй экзамен был связан с твоей узкой специальностью. В моем случае – китайский язык и что-то по Китаю. А третьим экзаменом была философия. Тогда ещё было на выбор – либо марксистско-ленинская философия, либо история философии. Многие выбирали именно историю философии, потому что у нас были очень крупные специалисты, например такой профессор Татаркевич¹². А у меня так получилось, что, так как у

---

¹² *Владислав Татаркевич* (Władysław Tatarkiewicz) (1886-1980), польский философ и историк философии, искусствовед. Окончил филологическую гимназию в Варшаве, затем посещал различные курсы (по праву, психологии, философии, антропологии, зоологии, искусствоведению) в Варшавском политехническом институте и Варшавском университете, затем учился в Берлине, Марбурге (в 1905-1907, в том числе у виднейших представителей Марбургской школы неокантианства Германа Когена (Hermann Cohen) (1842-1918) и Пауля Наторпа (Paul Gerhard Natorp) (1854-1924)) и Париже. В 1915-1919 возглавлял философское отделение в Варшавском университете (закрытом в 1905 российскими властями и восстановленном с помощью Германии в 1915). Прошёл испытания на профессорское звание в 1919 г., в Львовском университете. В 1919-1921 читал лекции по истории философии, этике и эстетике в Университете Стефана Батория в Вильно и Познаньском университете 1921-1923, читал лекции в Варшавском университете. С 1923 по 1961 работал в Варшавском университете, в 1974 читал лекции по эстетике в Лозанне. С 1924 – главный редактор научного журнала «Философский обзор» («Przełądu Filozoficznij»). В 1960-1963 – главный редактор журнала «Эстетика» («Estetyka»). Представитель т.н. Львовско-Варшавской логической школы, сформировавшейся в 1930х вокруг польского философа и логика Казимира Твардовски (Kazimierz Jerzy Skrzypna-Twardowski Ritter von Ogonczyk) (1866-1938). В годы Второй мировой войны, рискуя жизнью, читал подпольные лекции студентам. В 1964 подписал т.н. Письмо 34, направленное против политической цензуры в Польше. Награжден Командорским крестом Ордена Возрождения Польши. О нём см. [Władysław Tatarkiewicz. - Encyklopedia Polski. Krakow, 1996, p. 686; Teresa i Władysław Tatarkiewiczowie, *Wspomnienia*, Warsaw, 1979.]

меня не было дома и не было никакой домашней библиотеки, из-за чего я ничего не мог прочесть из философских трудов, то мне легче было сдать марксистско-ленинскую философию. Причем этот экзамен принимал у меня человек, который тогда считался крупнейшим польским марксистом, профессор Шафф¹³. Когда его ассистенты принимали курсовые экзамены, то у них это длилось пятнадцать минут, и ставили они в основном пятерки-четверки, потому что они понимали, что люди ещё марксистско-ленинскую философию не могут хорошо знать. Я сдавал экзамен у самого Шаффа четыре часа, и он меня уж так допекал. А потом сказал: «Вообще-то, Вы знаете на пятерку, но я Вам поставлю четверку». Но вообще советское влияние тогда не очень чувствовалось. Вообще, у нас даже в самые худшие сталинские времена прямое вмешательство в дела университета было очень редко. Хотя формально университет потерял автономию и подчинялся Министерству образования, но если иметь в виду такие крупные университеты, как Варшавский или Ягеллонский в Кракове, то там был настолько мощный сенат, то есть ученый совет, и ректоры, что их особенно не трогали. Не трогали даже до такой степени, что милиция теоретически не имела права входить на территорию университета. Потом это немножко сошло на нет, после 1953 года. Но, всё равно, кое-что сохранилось. Ректоры в основном были крупными и довольно независимыми учеными, и в вопросах науки на внешнее влияние внимания не обращали. Другое дело, конечно, когда речь шла о политике.

В: Как складывались Ваши отношения с китайским языком, кто Вам его преподавал?

О: В Варшаве мне его преподавал профессор Яблонски. Но это было очень ограничено и по времени, и по изученной литературе, и в других

---

¹³ *Адам Шафф* (Adam Schaff) (1913-2006), польский философ-марксист, официальный идеолог Польской объединённой рабочей партии (ПОРП), правящей партии социалистической Польши. Родился во Львове, изучал право и экономику в Париже и философию во Львове. В 1932 вступил в Польскую компартию. С 1941 – в Москве, в 1945 окончил философский факультет МГУ и получил в Институте философии АН СССР степень доктора философских наук. В 1944-1946 руководил польским вещанием Московского радио. В 1948 вернулся в Варшаву, был членом ЦК Польской рабочей партии. В 1949 под эгидой ЦК ПОРП основал Институт подготовки научных кадров, который возглавлял до 1954. Также возглавлял Институт общественных наук при ЦК ПОРП, в 1957 возглавил Высшую школу общественных наук при ЦК ПОРП, занимал этот пост до 1968. В 1952-1953 – глава Института философии Варшавского университета, Член ПАН, в 1956-1968 возглавлял Институт философии и социологии ПАН. В 1950х издал ряд сталинистских работ, считался одним из лидеров левого крыла ПОРП. В 1968, на волне антисемитской истерии, был исключен из ЦК ПОРП и снят с многих руководящих постов. В 1980х критиковал «Солидарность» и поддерживал курс коммунистического правительства В. Ярузельского. В последние годы поддерживал антиглобалистов. Почетный доктор Мичиганского университета, а также Сорбонны. Кавалер Большого креста Ордена возрождения Польши. О нём см. [В. Chwedeńczuk. Dialogi z Adamem Schaffem, Warszawa, 2005].

отношениях. Кроме того, хотя профессор Яблонски сам довольно хорошо говорил по-китайски, его произношение было довольно далеким от оригинала. Поэтому в основном это была учеба в Пекинском университете. К сожалению, я допустил ошибку: я учился на подготовительном факультете, в Чжуан-сю бане [装修办 – С. Д.], только 4 месяца: я приехал в феврале [1953 г. – С. Д.] и учился там только до лета, а в сентябре пошел на факультет, и это была ошибка, надо было, конечно, ещё на год остаться на подготовительном факультете и поучить язык. Так и было принято тогда, но я поторопился. Потом, на факультете, поскольку я слушал лекции по-китайски, и у меня, как у аспиранта, были ассистенты, которые мне помогали, приходили и разъясняли мне то, что я не понял, то я понемножку улучшал свой уровень. Но когда я приехал в Китай, я по-китайски не говорил. Мои знания были настолько ничтожны, что и говорить нечего. Я мог кое-что прочесть, немножко знал классический язык, поскольку мы уже с профессором Яблонски читали *Чжуан-цзы*, которого он очень любил и перевел на польский язык. Но в принципе, и классический, то есть, древнекитайский, язык, и разговорный – это мои достижения времен моего обучения в Пекине. Я приехал в Пекин в феврале 1953 года, после окончания Варшавского университета, а уехал оттуда в декабре 1960 года.

В: С кем Вы учились в одной группе (курсе, факультете, институте)?

О: В Варшаве я практически учился один на курсе. Потом, когда пришла эта группа молодежи, то кое-какие занятия я посещал вместе с ними. Но я не могу считаться членом этой группы. В Китае я был уже аспирантом, ходил на занятия по своему выбору, и поэтому тоже не могу себя считать членом какой-нибудь группы. Конечно, у меня были знакомые среди китайских студентов, но на занятиях присутствовало сорок-пятьдесят человек китайцев, и я – один. Поэтому, естественно, они меня знали очень хорошо, а я их – нет. Потом иногда кто-нибудь мне напоминал, что он со мной учился, но я его обычно с того времени не помнил. Если говорить об иностранных студентах, то мы были знакомы, поскольку все мы жили в Пекинском университете по соседству, в тех четырех центральных юанях, которые находятся рядом с гимнастическим залом. В том Первом юане, в котором я жил, сейчас находится исторический факультет. Сначала я около месяца жил у своего польского коллеги, к которому меня подселили, потому что для меня не была готова комната. А потом жил в Первом юане. Так как мы там жили такой интернациональной группой, питались в одной столовой, вместе играли в волейбол или пинг-понг, то мы, конечно, дружили. У меня были приятели и среди венгров, и среди немцев, и среди чехов. А когда приехала советская группа (они приехали гораздо позже, первая группа приехала в 1957 году), то я с ними познакомился ближе и быстрее, чем кто-либо

другой, потому что меня к ним тянуло. И потом я лучше других знал русский язык. До войны я учил украинский язык, так у нас было принято: в украинских школах учили польский язык, а в польских – украинский¹⁴. Потом, когда пришла советская власть, то на первый год у них ещё не было преподавателя русского языка, а на второй год, то есть на 1940-1941 года, уже перед самым бегством советских войск из Львова, у нас был русский язык. Но поскольку он наложился на украинский язык, то украинский я забыл, зато русский дался намного легче, и в Китае я его знал. У нас в Пекине вообще основным языком общения был именно русский. Например, с чехами, с румынами мы редко говорили по-китайски, хотя тоже бывало. С венграми приходилось обычно говорить по-китайски, с немцами, особенно на первых порах, тоже: они немножко учили русский язык у себя в ГДР, но всё-таки говорили с ними в основном по-китайски. Советская группа была большая, в её составе были медики, лесоводы, геологи, люди разных специальностей. Часть из них были настоящими китаеведами, которые прошли полноценную учебу в московских или ленинградских вузах, были среди них и аспиранты. И вот, советская группа стала проводить научные заседания, на которых выступали самые разные специалисты с докладами. Это была молодежь, которая приехала учиться, но все они уже были дипломированными специалистами. По меньшей мере, у них за спиной было три-четыре курса, это уже были образованные люди. У них было много интересных материалов, они делали доклады, и я это включился, причем не только слушал и выступал в прениях, но и сам делал доклады. А поскольку я к этому времени уже несколько лет был в Китае, я многое знал из того, что они ещё не знали. Вообще, они же впервые в жизни оказались за пределами Советского Союза. Для них всё было в новинку, а про Китай они и вовсе ничего не знали, кроме того, что им говорили в рамках пропаганды. Приходилось открывать им глаза на другие стороны реальной жизни. К тому же, я делал и сугубо научные доклады. Это было интересно: я лучше, чем они, знал китайский материал, а они – методологию и тому подобное. Поэтому у нас сложились дружеские отношения. Конечно, теперь мы все старики, кое-кто уже умер, кое-кто разъехался и с ними контакт прекратился. Но у меня до сих пор есть друзья с тех дальних времен. Вот, например, Михаил Васильевич Крюков¹⁵, который, правда, живет сейчас не в России, а на

---

¹⁴ По переписи 1931 поляки составляли 63,5% населения Львова, украинцы – 7,8%, русины (которых зачастую не отделяли от украинцев) – 3,5 %. См. [Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 R. Miasto Lwów. "Statystyka Polski" seria C, z .58. Warszawa 1937].

¹⁵ *Михаил Васильевич Крюков* (р. 1932), китаевед. Соавтор шеститомной серии по истории китайского этноса (1978-1993), учебника древнекитайского языка (1978). Сотрудник Института этнографии РАН.

Тайване. Наталья Павловна [Свистунова]¹⁶ тоже была в той группе. Был еще Юра Горгониев¹⁷, языковед, который приехал первым, без группы. Он приехал на год в 1953 или в 1954 году, и потом уехал. Он тоже работал в Отделе языков нашего института. Но, конечно, многие были не из Москвы и не из Ленинграда. Многие медики и лесники были с Урала или с Дальнего Востока. Они разъехались – кто куда, и с ними контакт, конечно, потерялся.

В: Как сложилась судьба Витольда Яблонски?

О: Знаешь, он умер прекрасной смертью – он приехал в Китай в 1957 году, летом, и жил в Пекинском университете. Я был тогда в Китае. Но я был в поездке, и в Пекине меня не было. Поэтому я с ним, к сожалению, не столкнулся. 22 июля тогда был праздник Возрождения Польши, сейчас это не праздник. А тогда считалось, что 22 июля 1944 года был опубликован манифест Временного комитета в Люблине¹⁸, и это считалось началом народной Польши. Тогда это отмечалось как праздник. Его, естественно, пригласили в посольство. Он там немножко поел, немножко выпил, погода была жаркая. Его привезли домой в Бэй-да¹⁹, где он сел за письменный стол, чтобы ещё поработать, и умер поздно ночью. Сердечный приступ. Я считаю, что это прекрасная смерть! Во-первых, китаевед умирает в Китае, и не просто в Китае, а в Пекинском университете. А, во-вторых – не просто в Пекинском университете, а за письменным столом – что может быть лучше? И, к тому же, без страданий. Возможно, он даже и не осознал ничего.

---

¹⁶ Наталья Павловна Свистунова (р. 1930), супруга С. Кучеры, китаевед. Переводчик «Законов Великой династии Мин». Сотрудник Института востоковедения РАН.

¹⁷ Юрий Александрович Горгониев (1932-1972), специалист по китайскому и кхмерскому языкам, автор первого кхмерско-русского словаря и первый преподаватель кхмерского языка в МГУ им. М.В.Ломоносова. Начал заниматься кхмерским языком после научной командировки в Китай.

¹⁸ 22 июля 1944 был опубликован Манифест Польского комитета национального освобождения (Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego), образованного в Хелме днём раньше. Манифест, одобренный лично Сталиным и напечатанный в Москве, провозглашал Комитет временным органом власти на территориях Польши, освобождаемых от немецкой оккупации (несмотря на то, что в это время в Лондоне существовало польское правительство в изгнании, чья легитимность признавалась и СССР), провозглашал начало аграрной реформы и повышение минимальных зарплат, декларировал поддержку новой Польшей Красной армии и Советского Союза. Комитет состоял из представителей левых партий, был поддержан частью лондонского правительства. С 1 августа 1944 его резиденция находилась в Люблине. Он осуществлял функции временного органа власти до 31 декабря 1944, когда, после вхождения в его состав нескольких представителей лондонского правительства, он был преобразован во Временное правительство Польской республики (Rząd Tymczasowy Rzeczypospolitej Polskiej).

¹⁹ Бэй-да 北大 – обиходное китайское название Пекинского университета (кит. *Бэйцзин да-сюэ* 北京大學).

В: А Яблонски успел создать свою научную школу в Польше, или у него было мало учеников?

О: Он успел бы, если бы я успел вернуться до его смерти, потому что я продолжил бы его традиции. А так получилось, что после него пришел человек, который был его учеником ещё до войны, но который был узконаправленным лингвистом. Яблонски формально был тоже лингвист, поскольку вся ориенталистика вообще считалась, прежде всего, филологической наукой. Поэтому у нас Институт ориенталистики всегда находился при факультете филологическом, хотя формально и имел независимый статус. Когда я поступал, то у нас был один факультет, гуманитарный, там были история, философия и филология. А потом, это было уже советское влияние, его разделили на три: отдельно история, отдельно филология, отдельно философия. Но Институт ориенталистики был всегда при филологии. Так вот, Яблонски был человек широко образованный, и вообще, человек широких взглядов. Поэтому мне, когда я должен был ехать в Китай, он сказал: «Пане Станиславе, я занимаюсь литературой Китая. Хмелевски²⁰ (этот тот его ученик, который пришел ему на смену) – занимается языком. Было бы очень хорошо, если бы Вы занялись историей. Как Вы на это смотрите?» Ну, он был для меня таким авторитетом, что я сказал: «Пане профессоре, пожалуйста, я буду заниматься историей». Поэтому в Китае я и стал историком, и я ему благодарен по сегодняшний день, потому как я считаю, что история – это очень занимательно. При этом, поскольку у меня есть эта филологическая подготовка и вынесенные от него взгляды на китайскую культуру, то я очень часто цитирую поэзию, причем не только *Ши цзин*²¹, который нельзя не использовать, но и Цюй Юаня²², и поэтов ханьского времени, и

---

²⁰ Януш Хмелевски (Janusz Chmielewski) (1916-1998), польский синолог и языковед, крупный специалист по древнекитайской логике, ученик В. Яблонски. Преподавал языковедение в Университете Лодзи, с 1955 – профессор Варшавского университета. Джозеф Нидэм назначил его ответственным за том своей «Науки и цивилизации Китая», посвященный логике (vol. VII, part, I), Хмелевски начал работу, но в 1983 г. отказался по состоянию здоровья. В итоге том вышел в 1998 под руководством Кристофа Харбсмейера, продолжившего и завершившего работу Хмелевски. О нём см. [А. М. Wójcik. Chmielewski Janusz. - Powszechna Encyklopedia Filozofii (Tt. 1-10). T. 2: C-D. Lublin, 2001].

²¹ *Ши цзин* 詩經 («Канон песен»), сборник песен и гимнов чжоуского времени, по легенде, составлен Конфуцием. Важнейший источник по древнекитайской истории и бесценный памятник древнекитайской литературы. На русский язык переведен А. А. Штукиным (1904-1963).

²² Цюй Юань 屈原 (340-278) – первый из древнекитайских поэтов, чье имя известно. В его стихах сохранилось многое из чуской мифологии и культуры, носителем которой он являлся. Оказал большое влияние на формирование древнекитайской поэзии. О нём см. [Федоренко Н.Т. Цюй Юань: истоки и проблемы творчества. М., 1986].

средневековых. Если взять мою работу про *ци-пань у*²³, то там я очень много цитирую и поэзию, и философские трактаты. То есть, занимаясь историей, я не чуждаюсь и остальных моментов. А Хмелевски был узконаправленный языковед, даже не филолог, а языковед. И когда я вернулся, он мне так и сказал: «Мы перестраиваем нашу кафедру на узко филологическую, и нам история не нужна. В той мере, в какой она нам нужна, мы её сами преподадим». И поэтому он фактически уничтожил тот разбег, который дал Яблонски, и который дал бы очень интересные всходы. Яблонски, например, воспитал такого студента, как Жбиковски²⁴, который занимался китайской литературой. К сожалению, он уже скончался, хотя и был моложе меня. Ну, вот, он скончался – и нет специалистов по литературе. Если бы Яблонски прожил ещё лет двадцать, то ему бы, конечно, удалось это закрепить в молодежи, и его уход тогда уже не мог бы этого изменить. Он, к сожалению, ушел тогда, когда ещё не была готова смена. Я был бы первый, кто мог бы вернуться на самостоятельную работу, я был самый старший. Например, Виковски был из той группы, которая была на два года позже меня. Поэтому, раз я не успел, то он, тем более, не мог ещё успеть серьезно чем-то заняться. Поэтому, к сожалению, этой школы не получилось. И это большое несчастье для польской ориенталистики, потому что фактически у нас научного китаеведения, научной синологии нет. Есть, конечно, кафедра при Варшавском университете, но очень жаль, что нет того, что могло бы быть. Вообще, я, конечно, боюсь авторитетно высказываться, потому что у меня мало данных. Но мне кажется, что и другие кафедры много потеряли после того, как ушли те два корифея, Яблонски и Зайончковски (Зайончковски, кстати, был единственным ориенталистом, который стал членом Академии наук), а потом другие профессора, такие как, например, Раношек, который был специалистом по Ближнему Востоку; или Рысевич²⁵, очень известный у

---

²³ Кучера С. Из истории китайского танцевального искусства: *ци-пань у*. – Китай: история, культура и историография. М., 1977. С. 158-199.

²⁴ *Тадеуш Жбиковски* (Tadeusz Żbikowski) (1930-1989), польский синолог, религиовед и литературовед, переводчик. Профессор Варшавского университета, автор ряда работ о религиях Китая, Малайского архипелага и Океании, биографии Конфуция, книги о философе Ян Чжу (楊朱, 440-360). Перевёл на польский язык романы «Троецарствие» (1972) и «Путешествие на Запад» (1984), конфуцианский «Канон о сыновней почтительности» (*Сяо-цзин*),

²⁵ *Зигмунт Рысевич* (Zygmunt Rysiewicz) (1911-1954), польский языковед, индолог. Выпускник Львовского университета. В качестве адъюнкта вёл Семинар по индоевропейскому языкознанию. В 1947 уехал на стажировку в Париж (учился у лингвиста Жюля Блоша (Jules Bloch, 1880-1953), индолога Луи Рену (Louis Renou, 1896-1966), знаменитого компаративиста и специалиста по индо-европейским языкам Эмиля Бенвениста (Émile Benveniste, 1902-1976)). В 1949 вернулся в Польшу, защитил диссертацию в Ягеллонском университете, вскоре получил профессорскую кафедру в Варшавском университете. В 1954 покончил жизнь самоубийством. Автор многих

нас языковед и востоковед, который знал восемнадцать языков. Я у него сдавал экзамен по языкознанию, который тоже длился несколько часов. И он прямо при мне брал примеры из санскрита и сопоставлял их с литовским языком. Потому что литовский, оказывается, с точки зрения классических языковедов, в Европе представляет собой самый чистый индоевропейский язык. Он покончил жизнь самоубийством в моё отсутствие. Затравили несчастного человека: он был типичный довоенный интеллигент. Но от него стали требовать все эти марксистско-ленинские штучки, а ему это было абсолютно чуждо. Не по политическим причинам, просто до его широко образованного мозга не доходили эти примитивы. Он двадцать-тридцать лет работал без этого, почему он, вдруг, должен знать все эти теории? Тем более, что сначала нам насаждали Марра²⁶. Потом Сталин Марра похерил, и нам стали насаждать Сталина²⁷. Но даже

важных работ по индийскому и общему языкознанию (опубликованы на польском и французском языках), соавтор и главный редактор польского «Словаря иностранных слов» (*Słownik Wyrazów Obcych*, вышел в 1961).

²⁶ *Николай Яковлевич Марр* (1864-1934), русский и советский востоковед, филолог, лингвист. Родился в Кутаиси, в 1888 закончил Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, изучив все преподававшиеся на нём языки. Многие сделал для археологического и археографического изучения Кавказа (в частности, многолетние раскопки в древней армянской столице Ани). Был учителем многих виднейших армянских и грузинских историков и филологов. С 1902 – профессор, с 1911 – декан Восточного факультета. С 1909 адъюнкт по Историко-филологическому отделению АН (литература и история азиатских народов), экстраординарный академик с 14 января 1912, ординарный академик с 1 июля 1912. В 1923 выдвинул т.н. «новое учение о языке» («яфетическую теорию»), в которой предложил новую концепцию формирования языков, резко противоречащую положениям современной ему лингвистики. Марр декларировал, что языки обладают классовой сущностью и меняются в соответствии с трудовой деятельностью и классовой принадлежностью носителей, а также вместе со сменой формаций. В будущем, согласно Марру, все языки должны слиться в единый коммунистический язык будущего. В целом, теория Марра не опиралась на научные аргументы или методологию, но авторитет Марра и смелость и своевременность выдвижения теории обеспечили ей поддержку властей. В 1921 Марр основал в Петрограде Яфетический институт, впоследствии Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра (ныне Институт лингвистических исследований РАН и Институт языкознания РАН). С 1930 – вице-президент АН СССР. После смерти Марра его теория оставалась единственной официально признаваемой, но большинство его учеников лишь маскировало марровской терминологией свои вполне научные исследования. В 1950 Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» развенчал теорию Марра, его имя было предано забвению. После 1956 г. некоторые его объективные заслуги были признаны, хотя в целом, без сомнения, его деятельность нанесла российскому языкознанию немалый вред. О нём см., например, [Аллатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991; 2-е дополн. изд., М., 2004].

²⁷ В своей работе, развенчивающей марризм, Сталин предлагал в качестве альтернативы сравнительно-историческое языкознание, господствовавшее на протяжении почти всего XIX в., и решительно осуждал все исследования, связанные с семантикой.

если считать, что он, Сталин, был гениальным, он же не может быть гениальным во всех областях! Даже если он был гениальный марксист, то, уж точно, он не мог быть гениальным языковедом! Рисевич был прекрасный профессор. И вот, его тоже не стало. Был ещё профессор Михаловски²⁸, который, кстати, имел очень крупное мировое имя, потому что он копал в Египте, был очень крупным египтологом. Он тоже уже ушел. Ещё был такой Таубеншлаг²⁹, специалист по клинописи и древним юридическим текстам. Всё это была довоенная профессура, хотя вообще, конечно, по-настоящему от того, что было до войны, остались рожки да ножки. Потому что и немцы, и наши «восточные друзья» считали, что с интеллигенцией лучше иметь дело, когда она сидит где-нибудь подальше, где-нибудь в районе Иркутска или Владивостока. Там они хороши, а тут их не надо. Поэтому осталось очень немного интеллигентов. Когда немцы

---

²⁸ *Казимир Михаловски* (Kazimierz Józef Marian Michałowski) (1901-1981), польский археолог, египтолог, искусствовед. Родился в Тарнополе (совр. Тернополь, Украина), учился классической археологии и искусствоведению на филологическом факультете Университета Яна Казимира во Львове. Стадировался в Венеции, Милане, Париже. В 1932 защитил докторскую диссертацию и стал доцентом кафедры классической археологии Университета Яна Казимира, с 1933 преподавал в Варшавском университете. Участвовал в раскопках в Дельфах и на Делосе; в 1937-1939 – в организованной им польско-французской экспедиции в Тель-Эдфу в Верхнем Египте (город особенно известен своим птолемеевским храмом Хора Бехдетского), результаты которой были опубликованы им в трёх томах. Находки экспедиции стали украшением Национального музея в Варшаве, заместителем директора которого Михаловски стал в 1939. После войны активно занимался возрождением польской науки и её международных связей. В 1956 возглавлял советско-польскую экспедицию в Крыму; в 1957 участвовал в раскопках в Верхнем Египте и Нубии (Тель-Атриб), в 1960 работал в Александрии, в 1961 – в Дейр-эль-Бахари (гробница Хатшепсут), в 1961-1964 – в Фарасе, в Северном Судане (раскопки раннехристианской базилики конца VIII в.). В 1963-1971 возглавлял Международный комитет по спасению храма в Абу-Симбеле (почти все раскопки проводились в рамках изучения местности перед постройкой Асуанской плотины). В 1959 основал в Каире Польский центр средиземноморской археологии, ныне названный его именем. Член ПАН, глава Археологического отделения ПАН, президент Международной нубиологической ассоциации, вице-президент Международной египтологической ассоциации, заведующий основанной им кафедры средиземноморской археологии Варшавского университета. О нём см. [Gawlikowski M. Michałowski i jego szkoła. - Królowa Hatszepsut i jej świątynia 3500 lat później, 2001; <http://archiwum.dlapolski.pl/informacje/Czytaj-art-1162.html>].

²⁹ *Рафаль Таубеншлаг* (Rafał Taubenschlag) (1881-1958), польский историк права, специалист в области римского права и папирологии. Родился в Пшемьсле. Учился на факультете права Ягеллонского университета, где в 1904 получил степень доктора (в 1913 – степень полномочного доктора). Адъюнкт-профессор (1919), профессор (1921). В 1927 был избран членом-корреспондентом Польской академии знаний, в 1929 возглавил факультет права Ягеллонского университета. Во время Второй мировой войны был одним из лидеров польской интеллигенции в эмиграции. В 1947 занял пост заведующего кафедрой античного права Варшавского университета и кафедрой папирологии исторического факультета того же университета.

заняли Львов, то они специально выловили всех, кого могли, из профессоров Львовского университета (а Львовский университет до войны был в Польше вторым после Ягеллонского. Варшавский был слабее, хотя он имел центральную позицию, поскольку находился в столице). А это всё были очень крупные специалисты, все они учились за границей, практически никто из них не был в такой ситуации, чтобы между войнами хотя бы два-три года не провести в Штатах, в Японии, в Китае, во Франции, на Ближнем Востоке или ещё где-нибудь. Во Львове немцы расстреляли несколько десятков специально выловленных профессоров³⁰: практически, они уничтожили весь цвет львовской университетской интеллигенции. Поэтому, конечно, к 1945 году из этих людей мало кто остался в живых. Ведь война продолжалась, люди гибли и потом, в 1944 году, когда советская авиация, например, бомбила Варшаву, то формально они старались бомбить железнодорожные узлы, но ведь тогда была не такая техника, как сейчас, бомбы падали где попало. Тем более – во время восстания. До войны Институт ориенталистики имел собственное трехэтажное здание, где была своя очень большая библиотека, потому что каждый раз, когда эти люди куда-нибудь ездили, то они, во-первых, привозили книги себе, а во-вторых, покупали для библиотеки. Они специально для этого получали деньги от государства. Это здание было разбомблено в 1939 году. Кое-что из этой библиотеки спаслось, потому что, когда шли бомбежки, преподаватели успели оттуда что-то унести. Поэтому небольшая часть, но не больше одной пятой, уцелела. Но потом, ведь,

---

³⁰ Немецкие войска вошли во Львов 30 июня 1941. У оккупационных властей были заранее подготовлены расстрельные списки, в которые были включены преимущественно польские политики, артисты, ученые, священники. Целью расстрелов было уничтожение польской элиты, польской культуры и государственности. Аналогичные акции проводились немцами в Польше и несколько раньше – в 1939 были отправлены в концлагеря профессора Краковского университета. Аресты львовских профессоров и доцентов начались 2 июля, основная масса их была арестована в ночь с 3 на 4 июля. Арестовывались не только сами профессора и их жены, но и все взрослые мужчины, находившиеся в их домах. Ранним утром 4 июля один из профессоров и большая часть прислуги были освобождены, а остальные расстреляны либо в Вулецких холмах за городом, либо во внутреннем дворе Воспитательного дома им. Абрахамовичей. Несколько человек были расстреляны позже. В октябре 1943 тела были эксгумированы и сожжены в Кривчицком лесу. Всего было расстреляно 45 человек – 25 профессоров, их жёны, дети, внуки и домочадцы. Вопреки распространённому мнению об участии в казни украинцев, все палачи были немцами (также см. [Schenk D. Der Lemberger Professorenmord und der Holocaust in Ostgalizien, Bonn, 2007]). Эти расстрелы не были первыми в Львове. 22-28 июня 1941 органами НКВД было расстреляно, по разным оценкам, от 2,5 до 4 тысяч заключенных львовских тюрем – в основном представители интеллигенции и польских властей (см. [Węgierski J., Lwów pod okupacją sowiecką 1939-1941. Warszawa, 1991]).

пришло восстание³¹, и кто же будет тащить с собой книги? Что-то, конечно, попрятали: например, у Яблонски был очень хороший подвал, куда он сложил эти книги в ящиках и замуровал. И, поскольку верхние этажи обрушились, то подвал уцелел, и эти книги были спасены. Еще кое-что уцелело потому, что Варшавский университет был занят немцами, там находились войска. Конечно, это был не университет, занятия не велись. Просто немецкая администрация использовала здания для своих целей. То, что было в библиотеке, они не трогали: им это было не нужно. Но в то же время это были достаточно цивилизованные люди, чтобы не крутить из книг самокрутки, поэтому кое-что уцелело. Но всё-таки от того, что было до войны, и от преподавателей, и из библиотеки – сохранилось очень немного. Здание Института было настолько разбомблено, что от него вообще ничего не осталось. Сейчас на этом месте находится просто площадь.

В: С чего начиналась Ваша собственная исследовательская или преподавательская деятельность?

О: С преподавательской деятельностью есть одна сложность: если подразумевать преподавание в университете – то это одно. А если имеется в виду преподавание вообще – то оно у меня началось ещё в средней школе, поскольку я, чтобы иметь какие-то деньги, помогал своим коллегам [соученикам]. То есть, я им преподавал те предметы, которые им трудно давались, например физику и химию. Поскольку я тогда в этих предметах был очень силен, я их очень любил и хорошо знал, поэтому вел для коллег дополнительные занятия. Но это, всё-таки, неформальное преподавание. А если иметь в виду формальное, то это началось в Пекине, в институте Иностранных языков (*Вай-го юй сюэ-юань* 外國語學院). Сам этот институт тогда находился недалеко от Народного университета (*Жэнь-минь да-сюэ* 人民大學). Там сложилась такая ситуация, что заведующая польской

---

³¹ Варшавское восстание, крупнейшая операция польского сопротивления (Армия Крайова (Armia Krajowa)), имевшая своей целью освободить Варшаву от немецких войск в ситуации, когда восточные пригороды польской столицы были уже заняты Советской армией. Восстание началось 1 августа 1944, и первоначально восставшим удалось очистить от немецких сил многие районы города. К 14 сентября польские части в составе Советской армии заняли восточный берег Вислы, но на западный берег переправилось лишь 1200 человек. После этого дальнейшее продвижение советских войск прекратилось, восставшие не получали с советской стороны никакой поддержки, в том числе поддержки с воздуха. Операции английских и американских ВВС не могли изменить ситуацию. В итоге к 2 октября восстание было подавлено, немцы восстановили контроль над городом, фактически уничтожив его (25 % зданий было уничтожено в ходе боёв, ещё 35 % систематически взорвана немецкими войсками, чтобы лишить восставших укрытий). Польская сторона потеряла убитыми 16 тысяч бойцов сопротивления, также погибли от 150 до 200 тысяч горожан, около 700 тысяч были вынуждены бежать из города. Немецкая сторона потеряла погибшими 8 тысяч человек. (См. также [Ciechanowski, J. M. The Warsaw Uprising of 1944. Cambridge, 1974]).

кафедрой, полонистка, уезжала. На её место пришел языковед Мечислав Кинслер³², специализировавшийся у Хмелевского, который, уже окончив университет, приехал в Китай на год стажировки, и ему предложили это продолжить. Он отбыл на этой работе свой срок стажировки, и хотел остаться ещё. Но как раз скончался профессор Яблонски, и ему написал профессор Хмелевски, который стал руководителем кафедры в Варшаве и предложил ему решить: либо Кинслер остается в Пекине, и тогда он отказывается от его услуг, либо он немедленно возвращается. Итак, он должен был ехать в середине года, и из Польши никого не могли прислать. Тогда Кинслер лично обратился ко мне, не могу ли я его заменить. Я с этим согласился и, в результате, второй семестр 1957-1958 года и весь учебный 1958-59 год я проработал руководителем кафедры польского языка. На этой кафедре я преподавал язык, перевод с польского на китайский и с китайского на польский, историю Польши. На кафедре была ещё одна женщина, с которой я был знаком ещё по Варшавскому университету. Она вела занятия только по языку: переводом она не могла заниматься, потому что не знала китайского. Было два курса: второй и третий. А на следующий год был последний четвертый курс и третий. И начался набор новых студентов. Было по 12-15 человек на каждом курсе.

В польской синологии всё обучение было направлено на науку и письменный перевод. Но очень долго существовала традиция довоенных времен – синология не мыслилась как источник кадров для министерства иностранных дел, иностранной торговли или для правительства. Таких людей китаеведение не готовило. Поэтому набор был очень ограничен, так как в таких специалистах формально не было большой нужды. А китайцы готовились именно к практической работе, а не к научной. Только два человека из них потом стали учеными, но просто так сложилось. В принципе, всё это были люди, которых готовили к практической работе. А поскольку тогда были «поцелуйные» отношения не только с Советским Союзом, но и со всеми так называемыми социалистическими странами, то я, например, путешествуя по Китаю, несколько раз сталкивался с группами польских рабочих. Например, у нас в Польше тогда была очень хорошо поставлена добыча угля, были разработаны интересные новые методы, например, метод добычи угля при помощи напора воды или коксование прямо в шахте. Поэтому в Шаньси работала довольно большая группа

---

³² Мечислав Ержи Кинслер (Mieczysław Jerzy Künstler) (1933-2007), польский китаевед и языковед. С 1972 – член Комитета востоковедных наук ПАН (в 1993-2006 – председатель этого Комитета). С 1978 – профессор Варшавского университета. Член редколлегии журнала «Rocznik Orientalistyczny» («Востоковедный ежегодник»), книжной серии «Prace Orientalistyczne» («Востоковедные труды»). Автор многих работ по китайской истории, архитектуре, мифологии и литературе, искусствоведению, китайско-польских словарей и разговорников; перевёл на польский язык конфуцианские «Беседы и суждения» (*Лунь юй*).

польских специалистов, поскольку мы туда поставляли оборудование для добычи угля. Потребность в людях, которые могли бы практически работать переводчиками при этих специалистах, была велика. Кстати, самым лучшим среди них оказался парень, который не кончал польское отделение, а который изучал русский язык, но который у этих шахтеров выучил силезский диалект³³, который очень сильно отличается от литературного [польского] языка. Есть два диалекта, которые очень сильно отличаются от литературного языка – это силезский и кашубский³⁴, на взморье. И тут, и там – сильное немецкое влияние и влияние специфики их труда. Вот этот китаец, не зная собственно польского языка, очень хорошо выучил их язык, силезский, и он с ними разговаривал так, как они говорили. А там, кроме инженеров, были и простые рабочие.

А следующий этап моего преподавания связан уже с Россией, где я преподавал в МГУ и в РГГУ³⁵. В Польше я делал много научных и политических докладов, но в этот промежуток после возвращения из Китая я не преподавал.

Что касается исследовательской работы, то моим первым исследовательским трудом был перевод научной статьи с китайского на польский язык. Дело в том, что у нас в 1956 году издавали специальный сборник с материалами по истории Китая. У нас выходил такой солидный толстый журнал, кажется, «История Польши», и было решено издать специальный том, только с переводами китайских статей. Поэтому в 1955 году, когда я единственный раз был в Польше на каникулах, мне предложили в этом поучаствовать. Я согласился и перевел для них статью Чжоу И-ляна³⁶ о западном китаеведении, о Ху Ши³⁷. Это было первое. А

---

³³ Силезский язык (диалект), относится к лехитской подгруппе западнославянских языков. В Польше официально считается диалектом (группой диалектов) польского языка или переходным диалектом между польским и чешским языками, с 2007 признан отдельным языком Библиотекой Конгресса США. На данный момент родным языком его считают 509 тыс. человек (используют в быту ок. 56 тыс. человек), в основном в Верхней Силезии.

³⁴ Кашубский язык (также поморский язык, померанский язык) – западнославянский язык лехитской подгруппы, близок к польскому. Распространён западнее и южнее Гданьска, на нём говорят кашубы – потомки поморских славян. Долгое время считался диалектом польского языка, официально признан региональным языком в 2005 г. Отношения поляков с кашубами часто были непростыми – в годы Второй мировой войны Берлин считал кашубов славянизированными немцами и благоволил к ним, в итоге после войны кашубов едва не выселили из Польши вместе с немцами. Сейчас знакомы с кашубским языком ок. 150 тыс. человек, используют в быту ок. 52 тыс. человек. Нынешний премьер-министр Польши Дональд Туск – этнический кашуб.

³⁵ С. Кучера занимал должность профессора кафедры древнего мира истфака МГУ (1988-2002), преподавал в Российском Государственном Гуманитарном Университете (2002-2004).

³⁶ Чжоу И-лян 周一良 (1913-2001), китайский историк и религиовед, специалист по истории Кореи и Японии, автор и редактор многих учебников и энциклопедий, в

вторая моя научно-исследовательская статья – это статья о «Чжоу ли», которая была опубликована в «Вестнике древней истории» в 1961 году³⁸.

В Китае я не публиковался, тогда это было как-то непринято. Для защиты диссертации это было не надо, да и вообще, система научных степеней ещё не была выстроена. Например, защита как таковая у меня прошла, и это была настоящая защита. Была комиссия, в состав которой вошло восемь человек, возглавлял её Цзянь Бо-цзань³⁹, который был деканом исторического факультета. Были Чжоу И-лян, его заместитель, профессор Чжан Чжэн-лан⁴⁰, мой научный руководитель, и ещё несколько профессоров – специалистов по древней истории Китая. Их задача заключалась в том, чтобы мне показать, что я – дурак и ничего не понимаю, а моя – доказать что я хоть что-то понимаю. Никакой снисходительности не было. Я был вообще вторым среди всех иностранцев, кто там защищался. Первым была кореянка, которая к этому времени более

течение многих лет профессор Пекинского университета, декан исторического факультета. О нём см. Майоров В. М. Чжоу И-лян. — Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Т. 4.: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009. С. 763-764. Публикация, о которой идёт речь: см. Czou I-liang. *Zachodnia sinologia i Hu Szy. // Zagadnienia Nauki Historycznej*, 1956, № 1(6), s. 180–197.

³⁷ Ху Ши 胡適 (1891-1962), китайский философ, историк философии, литературовед, социолог, публицист, общественный деятель. Сторонник вестернизации Китая и последовательный противник революционных изменений в стране. После 1949 г. уехал на Тайвань, возглавлял Академию Синика. Кампании против философии Ху Ши и методологических основ его исследований составляли заметную часть интеллектуальной жизни КНР 50-х – 60-х гг. Подробнее о нём см. Белоусов С. Р. Ху Ши. — Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Т. 1.: Философия. М., 2006. С. 510-512; Майоров В. М. Ху Ши. — Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Т. 4.: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009. С. 690-693.

³⁸ Кучера С. К вопросу о датировке и достоверности «Чжоу ли». — ВДИ, № 3, 1961. С. 111–120.

³⁹ Цзянь Бо-цзань 翦伯贊 (1898-1968), китайский историк-марксист, общественный деятель. Декан исторического факультета Пекинского университета. Во время "культурной революции" снят со всех постов и репрессирован. Покончил жизнь самоубийством. О нём см. Усов В. Н. Цзянь Бо-цзань. — Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Т. 4.: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009. С. 720-721.

⁴⁰ Чжан Чжэн-лан 张政烺 (1912-2005). Окончил исторический факультет Пекинского университета (1932-1936). Работал в Нанкине, в Академии наук, специалист по древней истории Китая, древнекитайской эпиграфике и проблемам письменности. Профессор исторического факультета Пекинского университета (1946), также преподавал в университете Цинхуа. После 1949 активно участвовал в организации научных учреждений КНР, в т.ч. Института археологии и Института истории Китайской академии наук. Работал во многих академических институтах, специальных комиссиях, учёных советах и научных издательствах. Один из крупнейших специалистов по китайской древности.

двадцати лет жила в Китае, потому что она участвовала в антияпонской борьбе, а потом бежала в Китай и участвовала в борьбе сначала против японцев, а потом против Гоминьдана. Будучи кореянкай, она считалась также и гражданкой Китая. Она написала работу по истории Кореи. Вот к ней было действительно очень снисходительное отношение, хотя её ситуация была гораздо легче моей. Её защита длилась час с небольшим. Моя защита длилась более четырех часов, почти пять! Причем это был самый настоящий научный спор, который, как я полагаю, отчасти был связан с политической ситуацией. Дело в том, что я там приобрел репутацию главного ревизиониста. Многие мои высказывания официальным властям не нравились, а, естественно, всякие фокусы Мао Цзэ-дуна я не воспринимал. Я не мог согласиться с «большим скачком» или *фань ю-пай фэнь-цзы юнь-дун* 反右派分子運動⁴¹. Им это, конечно, не нравилось. К тому же, когда я представил свой вариант, и они с ним ознакомились, то они сказали, что здесь имеется один большой недостаток – я совершенно не цитирую работ Мао Цзэ-дуна. Я на это сказал, что я прошу прощения, но я писал историческую работу. Конечно, товарищ Мао Цзэ-дун великий политический лидер, вождь партии и государства, но всё-таки профессионально он не занимается историей Китая, поэтому я не видел необходимости, чтобы в моей работе были цитаты из него. На что они мне сказали, что в таком случае они не смогут принять эту работу, поскольку там обязательно должны быть эти цитаты, потому что товарищ Мао Цзэ-дун всё-таки занимался историей Китая. Вот он, в частности, написал, что феодализм в Китае длится 2500 лет⁴². А тогда в Китае шли

---

⁴¹ Движение против правых элементов, также Движение против правого уклона (*Фан ю-пай юнь-дун* 反右派運動) – кампания, развернутая Мао Цзэ-дуном после окончания т.н. кампании «всех цветов», показавшего руководству КНР, что очень многие, особенно среди интеллигенции, недовольны политикой правительства. Призыв к разоблачению «правых уклонистов», которых провозгласили внутренними врагами, противниками коллективизации сторонниками капиталистического пути развития, прозвучал в июле 1957. Выбор жертв был довольно произволен, как и в ходе иных кампаний. К концу года около 300 тысяч человек были заклеены «правыми уклонистами». Они должны были выступить с раскаянием, многих отправляли в деревню для «перевоспитания трудом», снимали с работы. Вторая волна кампании началась после т.н. Лушаньской конференции (8-го пленума 8-го состава ЦК КПК) 2 июля – 16 августа 1959, на которой за критику политики Большого скачка был осужден министр обороны КНР маршал Пэн Дэ-хуай 彭德懷 (1898-1974). Всего в рамках кампании было репрессировано около 550 тысяч человек. Подробнее см. Усов В. Н. Политико-идеологические кампании 1949-1976. — Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Т. 4.: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009. С. 324-329.

⁴² Имеется в виду работа «Китайская революция и коммунистическая партия Китая», а точнее, её первая глава, «Китайское общество», написанная Мао в соавторстве в декабре 1939 в Яньани (по другим данным, речь шла о его общей редакции текста, написанного группой китайских историков-марксистов). Там о феодализме сказано

очень ожесточенные дискуссии вокруг того, когда в Китае кончился рабовладельческий строй и начался феодализм⁴³. И некоторые из этих ученых, или квази-ученых, говорили так: «Товарищ Мао Цзэ-дун сказал, что феодализм длился 2500 лет. Если мы отсчитаем от наших дней 2500 лет, то получим V век до нашей эры, значит, именно с этого времени и надо вести отчет, что тут ещё думать?». Тогда я сказал: «Хорошо, если Вы считаете, что здесь должны быть цитаты Мао Цзэ-дуна, то, пожалуйста, я с этим согласен». А эти вопросы со мной обсуждал Чжоу И-лян, который был замдекана, *фу си-чжужэнь* 父系主任. Но, поскольку он сам учился в Соединённых Штатах, то, конечно, он вроде как автоматически должен был быть *ю пэй-фэн-цзы* 右派分子, Поэтому он, чтобы избежать этой участи, был не просто членом партии, но более «мао цзэ-дуновским» членом партии, чем даже Цзянь Бо-цзань. Последний был в партии с 30-х годов, был действительно настоящим коммунистом и настоящим коммунистическим деятелем, в отличие от Чжоу И-ляна, который просто делал при коммунистах карьеру и действовал соответствующе. Так вот, я ему сказал: «Поскольку Вы блестяще знаете труды товарища Мао Цзэ-дуна, конечно, гораздо лучше меня, то, прошу Вас, помогите мне, подберите мне цитаты, которые, как вы считаете, надо вставить в текст, и я их вставлю». Они мне подобрали, кажется, двадцать или тридцать цитат, я их довольно механически повставлял в текст. Поэтому формальной причины отказывать в защите у них уже не было, и они согласились. Но при этом они с защитой тянули, потому что как раз тогда, во второй половине шестидесятых, началось уже охлаждение отношений между Китаем и Советским Союзом, и они ждали, что из этого выйдет. Охлаждение началось в 1959 году, когда Хрущев приехал на десятилетие Китайской Народной Республики. А как раз перед этим он был в Штатах, и прямо оттуда прилетел в Китай. И он тогда, в частности, как стало потом известно, сказал китайцам, что им не нужна атомная бомба (а они очень настаивали, что им нужна атомная бомба), что Советский Союз их будет защищать, в случае чего, пусть они не беспокоятся, но бомба им не нужна. Ему это мешало в его отношениях с Западом, а он старался эти отношения хоть немножко улучшить. К тому же, уже было это международное соглашение о нераспространении атомного оружия, и он даже формально не мог им (китайцам) его дать. Но какие-то обещания уже были раньше даны, когда Китай был очень нужен Советскому Союзу, и они нажимали

следующее: «период существования ... феодального строя, начавшийся со времен династий Чжоу и Цинь, затянулся примерно на три тысячи лет» [Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Тт. 1-4. М., 1953. Т. 3. С. 138]. Естественно, подобная расплывчатость формулировок не могла не вызвать «войны толкований» среди китайских историков.

⁴³ Подробнее об этом см. Бокщанин А. А. Современные историки КНР о проблемах феодализма в Китае. М., 1998.

на это. Вот эта ситуация привела к тому, что испортились отношения между странами. Но, к счастью, на празднование годовщины Октябрьской революции в 1960 году в Москву приехал Лю Шао-ци⁴⁴, который тогда был вторым человеком в государстве: Мао Цзэ-дун был председателем партии, а он – председателем Китайской Народной республики. Раньше Мао Цзэ-дун до того совмещал оба поста, а теперь один из них занимал Лю Шао-ци. Было похоже на то, что во время этого визита противоречия несколько сгладились. И как только это стало известно, мне в семь утра позвонили и сказали, что вот сегодня будет моя защита. Так что я даже не позавтракал, я был совершенно к этому не готов! Дискуссия была очень живой и даже довольно резкой. Резкими были не все. Чжан Чжэн-лан и Цзянь Бо-цзань были помягче, а Чжоу И-лян и, кажется, Сюй Да-лин⁴⁵, молодой специалист, очень резко пытались мне доказать, что я заблуждаюсь в своих высказываниях. А я говорил то, в чём я уверен и сейчас – что в Китае рабовладения как формации не было. А тогда, ещё до всяких дискуссий об азиатском способе производства⁴⁶, это была, в

---

⁴⁴ Лю Шао-ци 劉少奇 (1898-1969), государственный деятель, один из руководителей КПК, в 1959-1968 – Председатель КНР. Погиб во время культурной революции. Подробнее о нём см. Усов В. Н. Лю Шао-ци. — Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Т. 4.: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009. С. 553-558.

⁴⁵ Сюй Да-лин 徐大齡 (1922-1996), китайский историк, признанный специалист по истории эпох Мин и Цин. Учился в Католическом университете Фужэнь (Тяньчжу-цзяо Фу-жэнь да-сюэ 天主教輔仁大學) (1941-1945), затем в Яньцзинском университете (1945-1947). Более сорока лет (с 1952 г.) проработал на кафедре древней истории Китая исторического факультета Пекинского университета, профессор (1983). Подробнее см. <http://baike.baidu.com/view/1365648.htm>.

⁴⁶ Азиатский способ производства упомянут в нескольких работах К. Маркса 50-х гг. XIX в. как вариант общественного устройства, иногда (в частности, в Индии и Китае) предшествующий феодальной формации. Для него характерна значительная роль в организации общества коллективов (например, сельских общин), малое количество и значение рабов, а также очень большая роль государства в жизни подданных (подробнее см. Словарь античности. М., 1989. С. 17). Несмотря на то, что к концу жизни Маркс перестал упоминать об азиатском способе производства, наличие термина в его работах позволяло ряду историков-марксистов использовать данную концепцию, чтобы несколько отойти от догматизма пятичленной модели и объяснить ряд особенностей восточных обществ, не вписывающихся в теорию формаций. В истории советской науки было несколько (обычно выделяют три) дискуссии об азиатском способе производства, но особенно важной была вторая, имевшая место в 1957-1971 (на фоне общей либерализации в СССР после XX съезда КПСС) и ставшая одним из важнейших событий научной жизни в стране. В 1965 прошла Московская дискуссия об азиатских производственных отношениях, в которой приняли участие видные историки СССР, Франции, Венгрии и Германии. Большой резонанс получила предложенная К. Виттфогелем концепция восточного деспотизма, которая позволяла провести параллели между азиатским способом производства и тоталитарными обществами вообще (в том

сущности, прямая ересь. Я признавал, что были рабы, было рабство как социальное и политическое явление, но формации, образа жизни при котором рабы играют определяющую или очень значительную роль – не было. В ханьское время их было больше, они играли более важную роль. А в чжоуское время их было мало, они были больше для украшения. Вот, лейб-гвардия набиралась из рабов. Они были в национальных костюмах, с национальным оружием, всё это выглядело красиво, это понятно. В Европе, в Ватикане до сих пор охрану несут швейцарские гвардейцы. Но на экономику они почти не влияли. Но тогда китайцы совершенно не хотели этого признавать, они думали, что это свидетельствовало бы об их ущербности – как это так, такая великая страна, и не было одной формации! Я им на это говорил, что поймите, например, среди славян тоже не было рабовладения как такового! Рабы были, но как формации этого не было. И вообще, если поискать, то выяснится, что только в Греции, а ещё больше в Риме, было настоящее классической рабство. Хотя я знаю, что сейчас и по отношению к Греции и Риму высказываются иные суждения, но тут хоть какие-то конкретные вещи были, это было зафиксировано в римском праве и так далее. А во всей Азии рабства, как формации, не было! В Японии, в Корее тоже не было, немножко заметнее оно было только на Ближнем Востоке. Они с этим не очень соглашались. Но поскольку я оперировал конкретными фактами, против которых они возразить не могли – они эти факты знали, может быть, лучше меня – делать им было нечего. Я им, в частности, говорил: вот, смотрите, идет дискуссия среди вас, о том, когда кончилось рабовладение и начался феодализм. И я начинаю цитировать – я тогда всё это хорошо знал, сейчас-то отчасти забыл – была группа ученых, которая считала, что уже Шан-Инь – это феодализм. Была группа ученых, которая считала, что переход от Чуньцю к Чжаньго – это переход от рабства к феодализму; были такие, которые считали, что феодализм начинается только с периода Троецарствия (Сань-го 三國)⁴⁷. Так вот, подумайте логично: если вы сами находите между вами такие колоссальные расхождения, то это значит, что либо теоретические посылки не верны, либо что конкретный материал, конкретные аргументы, которыми мы можем оперировать, недостаточны. Они не проливают на данную проблему достаточного света, и мы её разрешить не можем. В

числе, сталинским СССР) (см. Wittfogel K. *Oriental despotism; a comparative study of total power*. New Haven, 1957).

⁴⁷ По датировке начала феодализма в Китае в историографии КНР 1950х выделялись три основных подхода: Фань Вэнь-лань 范文瀾 в своей переработанной «Общей истории Китая» (первый том вышел в 1955) предлагал считать началом феодализма в Китае династию Западная Чжоу (XI-VIII вв. до н.э.) Усов В. Н. Политико-идеологические кампании 1949-1976 гг. — Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Т. 4.: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009. С. 67-68.

Риме ведь никто не спорит, когда было рабовладение и как оно выглядело, а вы все оперируете одними и теми же цитатами – и такие колоссальные расхождения! Значит, вопрос спорный, и я могу высказать свое мнение: рабовладельческой формации в Китае не было. В итоге они посоветовались, и поскольку я довольно долго сидел в Бэй-да, и меня все знали, они решили, что лучше от меня избавиться. Они меня пригласили и объявили, что хотя они не во всем со мной согласны, но поскольку я показал, что знаю язык, древний язык и конкретные материалы, они принимают эту защиту. Но они мне не могли присудить ученой степени, потому что система не была установлена. Они просто констатировали, что я завершил аспирантуру с защитой диссертации. До войны были ученые степени⁴⁸, но когда коммунисты пришли к власти, они эту систему демонтировали. Был нужен правовой базис, а в Китайской Народной Республике в этот период правового базиса вообще ни для чего не было. У них тогда даже настоящей конституции-то не было, был документ, исполнявший её роль⁴⁹. Но настоящей конституции, которая была бы одобрена парламентом, прошла бы обсуждение в народе, ещё не было. Потом, когда они стали её вводить – ведь Китай единственная страна, где на протяжении трех-четырёх лет поменялось три-четыре конституции⁵⁰. Например, в одной из них было

---

⁴⁸ Система из трёх ученых степеней была введена в Китайской Республике в 1935.

⁴⁹ Это не вполне верно. В 1949 Народный политический консультативный совет Китая принял т.н. Общую программу, которая выполняла роль конституции до 1954. Первая конституция КНР была принята ВСНП в сентябре 1954, но на деле действовала недолго – с лета 1957 началась кампания борьбы против «правых элементов», за которой последовали другие кампании борьбы, плавно перешедшие в культурную революцию 1966-1976. Нормальное функционирование права прекратилось. Конституция 1975 была призвана формализовать странную систему власти, выстроенную Мао во время культурной революции: был отменен пост Председателя КНР, власть сосредотачивалась в руках Мао как председателя КПК, формальные функции главы государства исполнял председатель ВСНП (на тот момент этот пост занимал Чжу Дэ); местные органы управления заменялись Революционными комитетами; из конституции исчезли многие права граждан (как то права собственности, свободы передвижений и свободы слова и др.), а также обязанность граждан платить налоги. Конституция 1978, принятая после смерти Мао и падения «банды четырех» в 1976, в значительной степени восстанавливала нормы конституции 1954, хотя и была написана в риторике, близкой к конституции 1975. Следующая конституция, отразившая реалии реформ Дэн Сяо-пина и действующая (с некоторыми поправками) до сих пор, была принята в декабре 1982. Фактически, это первая конституция в истории КНР в достаточной мере разработанная, чтобы в полной мере называться таковой. Подробнее см. Гудошников Л.М. Начальный этап формирования права КНР. — Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Т. 4.: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009. С. 426-428; Он же. Правотворчество во второй половине 50-х – 70-е годы. Там же, с. 429-430; Он же. Восстановление и развитие правовой системы КНР (конец 70-х – 90-е годы). Там же, с. 431-433.

⁵⁰ Судя по всему, имеются в виду конституции 1975, 1978 и 1982.

точно указано, что наследником Мао Цзэ-дуна является Линь Бяо⁵¹. А потом Линь Бяо сбежал в Монголию, там его убили, и надо было срочно эту конституцию убрать. Вся правовая база вообще была плохо разработана: в значительной части вообще не разработана, а в значительной части основывалась на существующих традициях. Но чтобы присуждать ученые степени, нужен был конкретный закон, который бы указывал, когда, кому, на основе чего и какие степени присуждать. Это было постепенно введено уже после культурной революции, когда начались изменения, при Дэн Сяо-пине⁵². При Мао Цзэ-дуне, ведь, практически никаких контактов, в научном плане, с Западом не было. Были кое-какие контакты с Советским Союзом, с социалистическими странами, а на Запад никто не ездил, и оттуда никто не приезжал. Были отдельные случаи, у нас был какой-то англичанин, какой-то француз, был американец – и то только потому, что он попал в плен в Корею, и его переслали в Китай. А теперь они (китайцы) всюду пытаются быть, ездят на все конференции и приглашают к себе. Так что, теперь им это нужно.

В: Чем Вы занимались в Китае уже после защиты?

О: После защиты я почти сразу уехал. Защита была 5 или 6 декабря, и недели через две я уехал. У меня было очень много книг. Нужно было достать большие ящики, чтобы их уложить – я их не мог взять с собой, поэтому нужно было их отправить медленной скоростью. Всё это отняло какое-то время, но вообще я уехал почти сразу, в декабре 1960 года. Это было связано прежде всего с тем, что я уже не получал стипендию, и последние два-три месяца, когда я ждал защиту, я жил на какие-то сбережения, но денег уже было мало. На кафедре я уже не работал – я всё-таки не обладал необходимой квалификацией, и польское правительство, в итоге, прислало на это место хорошо профессионально подготовленного человека. Я всё-таки был силен только в том, что мог вести курс перевода, потому что другие не знали китайского языка. И те два года, что я был на кафедре, я это делал. А потом приехали новые люди. Вообще, тогда никто долго такие посты не занимал, приезжали на два-три года. Никто и не

---

⁵¹ *Линь Бяо* 林彪 (1906-1971), политик и государственный деятель КНР, маршал, министр обороны КНР, один из идеологов культурной революции. Его статус «преемника» Мао Цзэ-дуна был официально закреплен на IX съезде КПК в апреле 1969, когда он стал единственным заместителем председателя ЦК КПК. Однако его имя в качестве преемника вождя было внесено не в Конституцию, а в Устав КПК, который, впрочем, тогда играл в стране роль несравнимо большую, чем фактически недействующая конституция. В 1971 погиб при странных обстоятельствах: его самолет, возможно, летевший в сторону СССР, разбился в Монголии. После смерти был лишен всех званий и объявлен изменником. Подробнее о нём см. Усов В. Н. Линь Бяо. — *Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Т. 4.: Историческая мысль. Политическая и правовая культура.* М., 2009. С. 533-535.

⁵² Положения об учёных степенях КНР были приняты на 13-й сессии ПК ВСНП 5-го созыва и официально вступили в силу 1 января 1981.

хотел ехать надолго: у них были семьи, работа, был вопрос климата. Например, дама-полонистка, которую я сменил на посту главы кафедры (первый семестр я был преподавателем под её началом, а со следующего года уже стал и главой кафедры), она пробыла два года и поставила вопрос очень жестко – что эта работа плохо действует на её здоровье и она требует, чтобы её заменили.

В Польше работа в таких условиях, в отличие от Советского Союза, никогда не была особенно престижной: всё-таки после 1956 года у нас произошла демократизация. Выезд за границу и до того был не слишком сложным, а когда к власти пришел Гомулка⁵³, то границу открыли. Причем инициатором этого было Министерство внутренних дел. Я однажды говорил с довольно высокопоставленным сотрудником этого министерства, который работал там ещё тогда, и он мне сказал: «Вы понимаете, мы сами это инициировали, потому что зачем нам все эти хлопоты с анкетами и согласованиями? Хочешь ехать – езжай, хочешь там остаться – оставайся! Мне-то какое дело?». Поэтому все время вводили облегчения. Тем более, что в Польше было совершенно очевидно: как только зажимали – сразу люди начинали бежать. Как только открывали – зачем бежать? Скажем, я ездил как-то на экскурсию, в моей группе было три архитектора. Все они по два-три года проработали в Германии или во Франции, заработали денег - и вернулись. Они мне сами говорили, что с удовольствием ещё поедут – на год, может быть на два. Потому что в Польше они были уважаемыми людьми, главными в разных областях. Там была женщина из Быдгощи, очень хороший архитектор, как я понял, она говорила: «Вы понимаете, у себя я возглавляю бюро, я начальник, со мной считаются. А

---

⁵³ *Владислав Гомулка (Władysław Gomułka) (1905-1982)*, польский партийный и государственный деятель. С 1926 член Коммунистической партии Польши. Участник сопротивления. С 1942 – член ЦК вновь образованной Польской рабочей партии (ПРП), с 1943 – её генсек. С июля 1944 – в составе Польского комитета национального освобождения в Люблине. С декабря 1944 – заместитель премьер-министра и министр по делам возвращенных территорий. 3 сентября 1948 за отстаивание идеи «польского пути к социализму» обвинен в правонационалистическом уклоне и снят с поста генерального секретаря ПРП. Признал свои ошибки, но не вошел в Политбюро созданной в 1948 ПОРП, в январе 1949 снят со всех постов, в ноябре 1949 исключен из ПОРП. В июле 1951 арестован, находился в тюрьме до 1954. В августе 1956 восстановлен в партии, в октябре 1956 избран первым секретарем ПОРП, возглавил ПНР (его предшественник Болеслав Берут умер в марте 1956, во время своего визита в Москву). Гомулка стал проводить политику «польского пути к социализму», которая предусматривала пересмотр аграрной политики, нормализацию отношений с церковью и развитие рабочего самоуправления. В конце 1960х Гомулка стал инициатором антисемитской кампании в Польше, в результате которой тысячи граждан еврейского происхождения потеряли работу и были вынуждены уехать из страны. В 1970 вследствие массовых волнений польских рабочих был смещен с должности. О нём см. *Бухарин Н. И., Яжборовская И. С. Владислав Гомулка: на поворотах истории // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 146—168.*

там я – подмастерье, я даю им планы и расчеты, обо мне никто не знает. Там мне платят больше, чем тут, но удовольствия-то от этого никакого! Так что я могу там год-другой поработать, заработать денег, но не дольше». Поэтому за границу особенно не стремились, и эту преподавательницу с кафедры практически заставили ехать. Её вызвали в Варшаву и очень долго уговаривали. Больше двух лет почти никто не оставался.

Кафедра пережила «культурную революцию». Когда я последний раз был в Китае, в 1988-1989 гг., она существовала, и её возглавлял мой тогдашний студент. Его, между прочим, в своё время здорово помытарили, в результате довели до того, что у него было очень плохое сердце. Когда я там был, он жил, как там принято, на территории института, на четвертом этаже. А когда я через несколько месяцев с ним обменивался письмами, он мне написал, что переехал на первый этаж, потому что уже не может подниматься на четвертый. А он на десять лет моложе меня! Он уже, к сожалению, лет пятнадцать назад скончался. И всё потому, что его гноили. А никто из них никакой политической деятельностью не занимался, просто изучал польский язык, и потому были подозрительными. Кстати, когда началось это движение против правых, то абсолютно все *пэн-ю*, то есть китайцы, которых приставили к полякам, абсолютно все, поголовно, были объявлены правыми элементами. Причем, ведь это были несчастные люди, их выбирали среди комсомольцев как лучших из лучших! Если бы они тогда попробовали отказаться, то их моментально уничтожили бы – ведь комсомол доверяет такое важное, ответственное дело – как можно отказаться?! И, вот, потом их объявили правыми уклонистами, хотя они нигде не выступали, ничего не делали, просто приходил ко мне или к кому-нибудь ещё, и объяснял, что это надо понимать так-то, а это иначе, и надо бы прочесть такую-то книжку – и всё! Все поголовно были обвинены! В других группах было не так, это было выборочно, кое-кого из *пэн-ю* объявили правыми уклонистами, кое-кого – нет. Но по отношению к польской группе – не было никаких исключений – всех поголовно! Польша считалась плохой даже когда ещё были хорошие отношения, потому что, когда к власти пришел Гомулка, то, хотя в открытую они так не писали, но втихаря, на закрытых заседаниях (а я иногда получал такие ознакомительные материалы для внутреннего потребления *нэй-бу ды цань-као цай-ляо* 内部的參考材料) говорили, что то, что происходит в Польше – явный ревизионизм, *суй-чжэн чжу-и* 修正注意. Польша с 1956 года была почти вне закона, а я был прямо знаменосец этого ревизионизма. Не знаю, повлияло ли это каким-нибудь образом, но однажды было, что институт хотел меня отправить, когда стали возобновляться отношения, в Китай. А китайцы ответили, что я такой крупный ученый, что они, к сожалению, не могут меня принять. Реальных причин отказать мне не было, тогда уже многие ездили. Мне, в отличие от того времени, когда я приехал в Китай в первый раз, уже не нужен был какой-нибудь сопровождающий или

помощник, я отлично справился бы сам со всеми своими проблемами, многих я знал лично. Ясно, что этот аргумент очень натянут. Думаю, где-то на моем имени была пометка соответствующая. Хотя они и сами, ведь, к тому времени стали «ревизионистами» *сюй-чжэн чжу-и чжэ* 修正主義者!

В: А как получилось, что Вашим руководителем стал Чжан Чжэн-лан? Это было решено уже до Вашего приезда в Китай, или это было Ваше личное желание?

О: Нет, это не было решено до моего приезда. Более того, когда я приехал, в Пекине мне заявили, что у них нет специалистов по древней истории Китая. Это, конечно, вызвало моё глубокое изумление, потому что представить, что в Китае, где изучению древней истории на протяжении всего его существования придаётся очень большое значение, вдруг, нет ни одного специалиста, очень трудно. Но именно так мне было заявлено, причём несколько раз, в том числе и не только внутри Пекинского университета, но и в Министерстве высшего образования КНР. Тогда я попросил, чтобы они мне дали телефон Го Мо-жо⁵⁴, я позвоню ему и с ним договорюсь. А Го Мо-жо был тогда президентом Академии Наук и кем-то в правительстве. Он, в общем, всегда играл определенную политическую роль, особенно после 1949 года. И когда люди, которые со мной разговаривали, услышали такую просьбу, они поняли, что дело – «швах». И на следующий день оказалось, что всё-таки один специалист у них есть, и это – профессор Чжан Чжэн-лан. При этом оказалось, что в это время он был профессором Пекинского университета, то есть, находился под рукой, его нигде не надо было искать. А, кроме того, он ещё и работал в Институте истории Академии Наук. Тогда это была ещё единая академия, не как сейчас, когда есть Академия наук и Академия общественных наук⁵⁵. И с тех пор он мною занимался. И я был очень доволен этим решением китайской стороны, потому что, во-первых, он был очень хорошим специалистом, и я у него очень многому научился. Во-вторых, он проявлял ко мне очень большой интерес и руководил мной не чисто формально, из-под палки, а с большой отдачей. Он был настоящий педагог. Кроме того, он был очень широких взглядов и интересов, поэтому у нас было очень много разговоров, которые далеко выходили за рамки того, что мы должны

---

⁵⁴ Го Мо-жо (1892-1978), китайский историк, писатель, поэт, общественный и государственный деятель. Президент Китайской академии наук (с 1949), член ЦК КПК 9-11 созывов, заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП с 1-5 созывов. Подробнее о нём см. Переломов Л.С., Усов В. Н. Го Мо-жо. — Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Т. 4.: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009. С. 465-467.

⁵⁵ Китайская академия наук (*Чжунго кэсюэюань* 中國科學院) (КАН) была создана 1 ноября 1949 г. В мае 1977 на базе Отделения философии и общественных наук КАН была создана Академия общественных наук КНР (*Чжунго шэхуэй кэсюэюань* 中國社會科學院).

были делать строго по нашим официальным отношениям. Причем это касалось как китайских, так и иностранных проблем. Он очень любил у меня спрашивать о Европе или США. Так что у нас были очень разносторонние и хорошие отношения и с ним, и с его тогдашним ассистентом, У Жун-цэном⁵⁶, который потом стал профессором в университете Хух-Хото. Его отправили, как сильного специалиста, во Внутреннюю Монголию, где нужно было укрепить новообразованный университет. У Жун-цэн был, конечно, слабее Чжан Чжэн-лана. Но он был и много моложе, очень талантливый и много знающий молодой человек, чуть старше меня. А потом он вернулся в Пекин, и в 80-е годы, когда я был в Китае, он был профессором истфака Пекинского университета.

В: После Вашего отъезда из Китая Вам приходилось встречаться с Чжан Чжэн-ланом?

О: Нет, потому что сначала их никуда не выпускали. А потом я переехал в Москву, и он совсем меня потерял. Он знал, что я в Варшаве и там, может быть, он бы меня и нашел. Хотя, насколько мне известно, он в Польшу так и не попал. А потом, когда после культурной революции профессуру стали выпускать, он ездил в Японию и, кажется, в США. Но тут он уже много ездить не мог, потому что возраст не позволял. Мы встретились, когда я в 1988-1989 гг. поехал в Китай. Он уже не работал в Бэй-да. По-моему, он уже вообще формально не работал и был на пенсии, но поддерживал контакты с Институтом истории, неподалеку от которого он жил. И когда я договорился с ним встретиться, то институт послал за ним машину, он приехал. У нас состоялся очень длительный и милый разговор. Потом я ещё несколько раз у него был дома. Это был такой отчет о моей деятельности. Я хотел, конечно, показать, что его работа со мной не прошла даром, что я работаю в этой области, есть кое-какие достижения. С ним, с его супругой было очень интересно. Мне приятно вспоминать эти визиты.

В: Как изменялись Ваши научные интересы и почему?

О: Меняться они менялись, но сказать, как и почему, не так просто. Я бы сказал так: первое изменение состояло в том, что я завершал магистратуру как специалист в области философии. А потом, когда я ехал в Китай, мне профессор Яблонски посоветовал стать историком. Это было первое крупное изменение. При этом должен сказать, что то, что я вынес

---

⁵⁶ У Жун-цэн 吴榮曾 (р. 1928), китайский историк, археолог, специалист по доциньской истории, истории империй Цинь и Хань, эпиграфике и нумизматике. В 1954 закончил исторический факультет Пекинского университета, преподавал на отделении археологии и историческом факультете. Вскоре уехал в университет Внутренней Монголии (Хух-Хото), где работал до 1983, когда вернулся на исторический факультет Пекинского университета. В 1985-1998 – профессор кафедры древней истории Китая исторического факультета Пекинского университета. См. http://blog.sina.com.cn/s/blog_8f77187301011u7p.html.

из Варшавского университета в области филологии или языкознания, сейчас мне очень помогает, потому что в любой работе, чем бы я ни занимался, даже если речь не идет о переводе как таковом, как, например, сейчас перевод «Чжоу ли»⁵⁷, у меня всегда много переводов первоисточников. При переводе всегда возникают какие-то спорные вопросы и сомнения, и их решение, конечно, чаще всего лежит в области филологии, в самом широком смысле этого слова. Но всё же я стал историком. Я даже не могу сказать, почему я заинтересовался именно древней историей. Это получилось как-то непроизвольно. Я приехал в Китай и понял, что хочу заниматься именно древней историей. Может быть, в какой-то мере сказалось то, что магистерскую работу я писал по древности, про даосизм середины I тысячелетия до н.э. Конечно, чтобы понимать, что происходило в этой философской школе, мне надо было познакомиться и с тем, что было вокруг. Потом я довольно долго занимался только древней историей. Но тут произошло второе, не столь разительное изменение, скорее небольшой крен. Я заинтересовался археологией. Она была мне и раньше интересна, но углубленно я ей не занимался. А тут в Китае произошла «культурная революция», во время которой исчезли все журналы, и вообще никаких гуманитарных наук в Китае не было. Первыми журналами, которые появились после этого, были как раз археологические журналы. А ещё до этого стали появляться стали появляться очень интересные археологические сообщения в *Гуан-мин жи-бао* 光明日報. Эта газета, в отличие от полностью пропагандистской *Жэнь-минь жи-бао* 人民日報, всегда обращала внимание на вопросы науки, культуры и искусства. Я тогда выписывал эту газету, так как это можно было делать через институт. И я стал это читать, и понял, что происходят интересные вещи. На уровне нулевой ситуации в истории и филологии, археология вносила какую-то новую струю. Они открывали вещи ранее неизвестные, и восстанавливали науку тогда, когда другие науки ещё не существовали. Первые археологические журналы появились в 1972 году, а первые исторические – в 1974 году. Это меня заинтересовало, я стал читать эти публикации, старался передать информацию своим коллегам, стал делать доклады, писать статьи, в том числе для «Общества и государства в Китае»⁵⁸. Правда, когда я написал большую статью для «Археологии СССР», то её зарезали из Института Дальнего Востока, потому что сочли,

---

⁵⁷ Изданную часть перевода *Чжоу ли* см. : Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел I. Небесные чиновники. Вступительная статья, перевод с китайского, комментарии и приложения С. Кучеры (Памятники письменности Востока. СXXXVI, 1). М., 2010.

⁵⁸ Научная конференция, ежегодно организуемая Отделом Китая Института востоковедения РАН с 1970, один из крупнейших китаеведческих форумов СССР и России. Издаются материалы конференции, которые с 2009 имеют статус Ученых записок Отдела Китая.

что она политически не в той интонации написана. Но меня это не расстроило. Ведь такой материал интересно и просто знать, не обязательно его для чего-то использовать. Это было существенное изменение в моих интересах. Хотя археология – это часть истории, и тут я не отходил от основного русла моих научных интересов, занятия археологией заставили меня обратить внимание на сугубо внешние науки, такие как палеонтология, палеоботаника, краниология. Я должен был очень расширить свой научный кругозор. При занятиях палеолитом без геологии, например, просто невозможно обойтись, потому что очень часто исходная датировка – именно геологическая, по пластам, в которых эта находка обнаружена. Мне было интересно узнавать до того совершенно неизвестные мне вещи, разбираться в вещах, которые до того я знал только понаслышке. Мне пришлось прочесть массу литературы, чтобы самому понять это и иметь возможность изложить всё это так, чтобы это было понятно читателю, который никогда не занимался этими науками специально. Потом настолько важных изменений уже не было. Конечно, потом как-то приходилось разбираться в астрономии, когда я писал про календарь, но это были уже занятия, нужные для чего-то конкретного. Я по-прежнему работаю в рамках древней истории с включением археологии и всего, что с этим связано.

В: Какую научную тему Вы считаете главной для себя лично?

О: Я думаю, что есть две вещи. Первая, которая остается моей жизненной симпатией, это археология Китая. Прежде всего, потому, что она все время привносит совершенно новые элементы, причем не только в археологическое прошлое Китая, палеолит и неолит, но и в исторический период археология вносит немало того, о чём раньше и не подозревали. Раньше, например, не было даже речи о том, что китайцы умели мумифицировать трупы, и только находки в Мавандуе (правда, это южный Китай, и надо ещё подумать, к кому это надо отнести, к собственно китайцам или к местным народностям, но всё равно, это в пределах тогдашнего Китая) показали, что это существовало⁵⁹. Причем метод совершенно иной, чем в древнем Египте – там превращали людей в щепки, их высушивали, вынимали внутренности, бинтовали. А тут это делалось

---

⁵⁹ Имеются ввиду три могилы II в. до н.э. в Мавандуе 馬王堆, в восточном предместье г. Чанша (Хунань), обнаруженные в 1972 и изученные в 1972-1974. Они принадлежали дайскому хоу Ли Цану 利倉, занимавшему пост *чэнсяня* в уделе Чанша, его жене и, вероятно, сыну. находка имела огромное значение для науки, так как содержимое могил крайне хорошо сохранилось: в могилах обнаружены разнообразные предметы обихода, а также знаменитая библиотека текстов на шёлке. Большой интерес представляет мумифицированное тело супруги хоу, сохранившееся невероятно хорошо. Подробнее см. *Ван Ши-минь, Чжоу Ши-жун*. Мавандуй Хань му (Могилы периода Хань, обнаруженные в Мавандуе). — Чжунго да байкэцюаньшу. Каогусюэ (Большая китайская энциклопедия. Археологическая наука). Пекин–Шанхай, 1986. С. 309–311.

совершенно иначе, так, что кожа сохранила упругость. Или, например, раньше не очень было понятно, что такое «нефритовые одежды, шитые золотыми или серебряными нитями». Данных в письменных источниках было много, но полной ясности не было. А когда в Маньчэне, а потом и в других местах, нашли захоронения, где умершие лежали в одеяниях из сшитых кусков нефрита, то выяснилось, что это такое, когда использовались какие нити⁶⁰. И тогда многие из ранее не очень понятных текстов предстали перед нами в совершенно другом свете. Или, например, акупунктура. Выясняется, что китайцы умели это делать уже в неолите. Уже там обнаружены предназначенные для этого иглы⁶¹. Это не только то, что можно считать узко археологией. Эта наука вносит очень много нового в изучение истории вообще. Это первое, что меня интересует. И второе – все время моего пребывания в Москве и работы над разными проблемами истории Китая я перевожу довольно много текстов. Я не говорю о специальных изданиях – в Московском университете, например, издали специальную книжку⁶², где 10 листов – это мои переводы множества китайских текстов, начиная от *цзягувэнь* и *цзиньвэнь*. Ещё был двухтомник по китайской философии, где мной тоже были сделаны большие переводы философских текстов⁶³. Все это были специальные издания переводов. Но, кроме того, у меня почти в любой работе и любой статье всегда присутствует довольно значительное количество разных источников в переводе на русский язык. Потому что я считаю, что если я о чём-то хочу написать, то я должен это документировать, чтобы было понятно, что это действительно так. Или я признаю, что тут я сам не очень понимаю, и читатель должен сам разобраться, где я прав, а где нет. Поэтому перевод

---

⁶⁰ Маньчэн 满城 – уезд в провинции Хэбэй. В 1968 там были обнаружены могилы чжуншаньского вана Лю Шэна 劉勝 (ум. 113 г. до н.э.) и его супруги Доу Вань 竇綰, оба тела были одеты в саваны из кусочков нефрита, до того известных только по письменным источникам (подробнее см. Ху Чжао-инь. Маньчэн Хань-му (Ханьский могилы в Маньчэне. — Чжунго да байкэцюаньшу. Каогусюэ (Большая китайская энциклопедия. Археологическая наука). Пекин–Шанхай, 1986. С. 316–318). Считалось, что нефрит должен предохранить тело от разложения. Кусочки нефрита скреплялись золотой (для императора), серебряной (для удельных князей), или бронзовой нитью (см. Ван Чжун-шу. Ханьдай каогусюэ гайшо (Обзор археологии истории династии Хань). Пекин, 1984. с. 93—94).

⁶¹ Вернее, в неолитических слоях найдены камни *бянь-ши* 砭石, которым придана особая форма, позволяющая использовать их в лечебных методиках, сходных с акупунктурой. Подробнее см. Ма Цзи-син, Чжоу Ши-жун. Каогу фацзюэ-чжун со-цзянь бянь-ши ды чу-бу таньсо (Первые догадки касательно *бянь-ши*, обнаруживаемых в ходе археологических раскопок) // Вэнь, 1978, № 11. с. 80-82.

⁶² История Древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002.

⁶³ Древнекитайская философия. Т. 1-2. М., 1973. Переводы С. Кучеры см.: Шу цзин: т. 1, с. 101-111; Ле-цзы: т. 1, с. 213-224; Чжуан-цзы: т. 1, с. 249-294; Гуань-цзы: т. 2, с. 15-25, 42-51.

древнекитайских текстов на русский язык – это второе главное направление в моей исследовательской работе.

В: Какую научную тему Вы исследуете в настоящий момент?

О: В настоящий момент, если широко говорить, я работаю над первым томом перевода *Чжоу ли*. А если в узком смысле, то я сейчас к этому тому пишу исследовательскую статью. Дело в том, что, в отличие от моих предшественников, я не ограничиваюсь переводом и комментарием. У меня будут, по меньшей мере, четыре исследовательские статьи, которые я называю *Addenda*, чтобы показать, что это не просто Приложения (туда войдут разного рода указатели, библиография и так далее), а именно исследовательские статьи. Статья, над которой я сейчас работаю, посвящена древнекитайской музыке и связи этой музыки с культовой жизнью. Мы знаем, что музыка связана с культом и на Западе – в церкви поют, в костеле играет орган, в синагоге поет кантор, но нигде музыка не связана с культовой жизнью так глубоко и сильно, как в Китае.

В: Как складывалась ваша китаеведческая карьера? В каких институтах и учреждениях Вам приходилось работать?

О: Ну, собственно говоря, не в столь уж многих. В Польше я работал только в одном учреждении – Польском институте международных отношений. При этом, правда, я имел контакты и с другими организациями, хотя там и не работал. Например, я довольно часто выступал с докладами, в основном довольно популярного характера. Правда, если я выступал в научных институтах, то уровень был довольно серьезным, хотя надо исходить из того, что мои слушатели не были китаеведами. Я не старался говорить, чтобы им было непонятно. К тому же, хотя, когда я приехал, взаимоотношения между КНР и Советским Союзом уже портились, и это, естественно, сказывалось на отношениях с Польшей, тем не менее, тогда, в 1961-1965 гг., еще очень активно действовало Общество польско-китайской дружбы. Это было польское общество, китайская сторона никак финансово не участвовала в его работе. У них были еженедельные китайские вечера. В их распоряжении был очень красивый и хорошо расположенный прямо в центре Варшавы небольшой старинный особняк⁶⁴. Там был довольно большой зал, который вмещал 50-60 человек, и там устраивались вечера. В остальные дни там тоже были всякие мероприятия – звучала китайская музыка, можно было попробовать кое-какие китайские блюда. Люди любили приходить туда, там была небольшая библиотека с польскими книгами про Китай и свежими китайскими журналами на английском и русском языках. Так вот, на эти еженедельные встречи меня довольно часто приглашали: я сравнительно недавно вернулся из Китая, у меня было много свежих впечатлений. Эти

---

⁶⁴ В 1958-1997 Общество польско-китайской дружбы размещалось в т.н. Голубом дворце (Pałac Włkitny), или Дворце Замоиских, построенном в начале XVIII в.

выступления могли касаться современных проблем политики экономики и культуры. Но также я там делал целые циклы докладов, посвященных классическому Китаю, от глубокой древности до средневековья, до династии Мин. Я рассказывал о поэзии, о культуре, о строительстве Великой китайской стены, могиле Цинь Шихуан-ди и многом другом. И хотя эти выступления имели популярный характер, и были предназначены для широкого слушателя, я старался делать их на хорошем уровне, без всяких фантазий. Если я в чём-то не был уверен, то всегда подчеркивал это. Надо сказать, что на эти вечера, не только на мои, но и на мои в частности, всегда приходило много народу. Зал всегда был заполнен, люди сидели даже в коридоре. Китай пользовался большим спросом, может быть, и эта ссора подливала масла в огонь... Но, кроме того, это Общество польско-китайской дружбы имело отделения в других городах, причем отделения были не только в центрах таких воеводств, как Краков, Познань или Вроцлав, но и в районных центрах. И там я тоже часто читал доклады. Если это было не очень далеко, то нам давали машину, и мы ехали. Иногда кроме меня ехал ещё кто-нибудь, с небольшим докладом или выступлением, небольшой фотовыставкой. Такая поездка обычно охватывала два или три города. То есть, мы в один город попадали после обеда, потом ехали во второй город, поблизости (ты понимаешь, ведь Польша не Россия, там не надо ехать десять часов чтобы, наконец, что-то увидеть). А к вечеру успевали попасть ещё в какой-нибудь город. Причём, как правило, вечерние доклады были открыты для публики, более популярные. А дневные устраивались на предприятиях, заводах или в воинских частях. Причем, если доклад был в воинской части, то обычно он был не для солдат, а для офицеров, как правило, старших: майоров, полковников, генералов. А если нужно было ехать куда-нибудь дальше, то я ехал туда поездом, ночевал в гостинице (конечно, за счет Общества), потом в двух или трёх местах выступал и возвращался в Варшаву.

В: В Польше Вы работали в Институте международных отношений. Вы занимались там в основном аналитической работой?

О: Да, правда, я всегда привносил и какой-то элемент, которого, может быть, не было у моих коллег. Я работал в отделе, который занимался Азией. Точнее, это был такой спаренный отдел Азии и Африки. Все мои коллеги были специалистами по современности: кто по арабским странам, кто по Индии. А я всегда привносил в это элемент истории, я старался дать понять, что для того, чтобы понять современные события, надо обязательно знать их исторические истоки и предпосылки. Например, я там написал довольно большую работу про судьбу Сиккима, небольшого княжества в Гималаях, которое было примерно в это время включено в

состав Индии⁶⁵. Или, например, как раз тогда вспыхнул конфликт между Китаем и Индией⁶⁶. Когда я писал что-нибудь, я показывал, как к этому пришло (и потом это отмечали в отзывах). Причем, в данном случае, не только начиная с Бандунга, где, казалось бы, Китай и Индия были соавторами концепции неприсоединения⁶⁷. Я показывал как отношения складывались на протяжении веков, как это было раньше. Конечно, это было небольшое введение, но фундаментальный элемент присутствовал всегда. Формально я там занимался Китаем, но писал не только по Китаю, а по всему Дальнему Востоку, про Индию, Корею и Японию. К тому же от имени этого института я тоже довольно много ездил с докладами. Это были доклады более политического и пропагандистского характера, и тоже каждая такая поездка обычно была двухдневной. Если, скажем, меня посылали в Вроцлав – это довольно далеко по польским меркам, да и не каждый же день туда приезжает кто-нибудь из Варшавы – то местные организаторы старались это максимально использовать. Так что формально я ехал во Вроцлав, но на самом деле выступал, по меньшей мере, ещё в двух местах этого воеводства. Я всегда старался выходить за рамки чистой пропаганды. Более того, чаще всего я чистой пропагандой и

---

⁶⁵ Kuczera S. Sikkim i stosunki chińsko-indyjskie // Sprawy Międzynarodowe, 1966, № 5, с. 84–89.

⁶⁶ Китайско-индийские отношения были далеки от идеальных с самого начала существования КНР из-за разногласий о пограничной линии; в частности, Китай контролировал район Аксай Чин на востоке Кашмира, который Индия считала своим. Обострение произошло в марте 1959, когда Индия предоставила убежище Далай-ламе и прочим тибетским беженцам, изгнанным из родных мест при подавлении китайскими войсками восстания тибетцев. Начались столкновения на границе, обе стороны старались разместить военные посты на спорных территориях; переговоры не привели к позитивным результатам. 20 октября 1962 началось массированное вторжение китайских войск на западном и восточном участках границы. Войска КНР продвинулись на 80-100 км, было убито ок. 2,5 тыс. индийских солдат. Всего Китаем было оккупировано ок. 14 тыс. кв. км индийской территории, преимущественно в штате Аруначал-Прадеш и Ладаке. 21 ноября Китай объявил об одностороннем прекращении огня и начал отвод войск на 20 км от линии фактического контроля, военные действия прекратились. Всего Китай сохранил под своим контролем ок. 36 тыс. кв. км территории, которую Индия считает своей. Подробнее см. Границы Китая: история формирования. / Под ред. Мясникова В.С и Степанова Е. Д. М., 2001. С. 314-322.

⁶⁷ 18-24 апреля 1955 в Бандунге (Индонезия) состоялась Азиатско-Африканская конференция, в которой приняли участие 29 стран, большинство из которых только что обрели независимость. Участники конференции выработали ряд принципов мирного сосуществования и сотрудничества, а также противоборства колониализму и неоколониализму, от кого бы эта угроза не исходила. Конференция стала важным шагом к оформлению Движения неприсоединения (провозглашено в Белграде в 1961), участники которого провозглашали свой принципиальный нейтралитет в Холодной войне. Подробнее см. Mackie J. Bandung 1955: Non-alignment and Afro-Asian Solidarity. Singapore, 2005.

не занимался. Например, рассказывая о конфликтах на Ближнем Востоке, я всегда подчеркивал вину арабской стороны и не валил все на Израиль, хотя формальная линия была именно такова. Я старался быть объективным. Когда я говорил про Китай, я тоже не впадал в крайний антимаоизм, потому что я считал, что китайцы сделали революцию сами, в отличие от Восточной Европы, куда этот так называемый социализм был привнесен на советских штыках. Китайцы сами на себя навалили то, что они имели, так что это их ставило в несколько особую ситуацию. К тому же, они никогда особенно не подчинялись даже Сталину и Коминтерну. А уж после смерти Сталина они практически с самого начала ни в грош не ставили Хрущева, поэтому они могли себе позволить вести себя по-иному. Даже при Сталине Советский Союз мало что мог с ними поделаться, тем более, после его смерти. Надо сказать, что Сталина Мао Цзэ-дун, конечно, уважал, потому что Сталин был восточным человеком, он вел себя как богдыхан, как царь, как хуанди, поэтому к нему был пиетет. А Хрущев приезжал в Китай, похлопывал Мао по плечу, что само по себе уже было шоком для несчастного вождя китайского народа! Поэтому китайцы вели свою политику, и я старался это объяснить, не попадая ни в одну крайность, ни в другую. Я, конечно, не был крайним маоистом – если я не был им в Китае, то в Польше у меня, тем более, не было никакого резону им быть – но не впадал и в примитивный антимаоцзэдунизм. Я просто пытался объективно показать, что происходит в Китае, и почему это происходит, вне зависимости от того, насколько отрицательно или насколько положительно я при этом высказывался по поводу тех явлений, которые имели место.

В: Как получилось, что Вы перебрались в Москву?

О: Понимаешь, все время стоял вопрос о звании. Дело в том, что в Китае я, формально говоря, защитил кандидатскую диссертацию. Но в это время в Китае ещё не было системы степеней. Поэтому в документах, которые я получил, было сказано, что я защитил диссертацию, но не было сказано, что мне присвоена степень кандидата наук или какая-нибудь другая степень, потому что никаких степеней не было. А в Польше, притом, что ко мне там с самого начала относились хорошо – я не могу жаловаться на этот институт, мне там сразу дали относительно высокий пост и все такое прочее – мне для дальнейшего развития всё-таки надо было защититься. Сделать это в Польше я практически не мог. Я мог бы это сделать, если бы целиком решился перейти на эту работу пропагандистско-политического характера, потому что этот институт имел право защиты, и я мог прямо в этом институте защититься, но это меня не устраивало. Я всё-таки был китаевед, имел классическое синологическое образование, интересовался китайской древностью: всем тем, что им было не нужно, и защититься там я не мог. Вторым местом, где я мог бы защититься, был Варшавский университет. Но там, так сказать, у руля китаеведения стояли люди, которые меня недолго любили, потому что они меня боялись,

прекрасно зная, с каким багажом я вернулся. Они знали это, потому что эти люди побывали в Китае, я им там очень помогал, они могли убедиться и в том, как я говорю по-китайски, и как я знаю памятники и книжные магазины Пекина, разные проблемы истории и культуры Китая. Они просто боялись. У меня никаких намерений выкидывать кого-либо из них не было. Но это было их личное психологическое восприятие, которое не было вызвано какими бы то ни было действиями с моей стороны. Тут подтвердилась старая истина, что если ты делаешь людям хорошо, то они тебе ответят черной неблагодарностью. Там были два основных действующих лица, оба они от меня в свое время в Китае довольно много чего получили, включая даже то, что, поскольку я в конце пребывания там работал, у меня была в распоряжении машина, и я мог возить человека по Пекину и по окрестностям, что я и делал. Не Бог вещь такая услуга, но всё-таки им это было удобно. Но они решили, что лучше от меня сразу избавиться, и там я не мог защититься. Тогда я решил, что лучшим выходом будет переехать в Москву. Тут у меня были довольно большие возможности. Была Наталья Павловна (Свистунова – С. Д.), с которой тогда нас связывали очень тесные дружеские отношения, хотя романа тогда ещё не было. Мы поженились позже, а тогда мы с ней по-настоящему дружили, впрочем, не только с ней. И поэтому я решил, что это будет самое разумное. Тем более, что я уже знал здесь многих людей, знал учреждения. Когда я ехал из Китая в Варшаву, то остановился в Москве, делал ряд докладов и в Московском университете, и в Институте востоковедения⁶⁸. Я знал даже тех людей, которые не были в Китае вместе со мной. В частности, я был знаком с Л. В. Симоновской⁶⁹, которая была заведующей Кафедрой истории Китая на историческом факультете МГУ⁷⁰. Мне удалось тогда встретиться с многими сотрудниками из Института, даже с Николаем Иосифовичем Конрадом⁷¹. До этого я его не знал, но

---

⁶⁸ Институт востоковедения АН СССР был переведен в Москву в 1950 (в Ленинграде осталось Ленинградское отделение ИВ АН СССР, ныне Институт восточных рукописей РАН); в 1960-1970 назывался Институт народов Азии АН СССР.

⁶⁹ Симоновская Лариса Васильевна (1902-1972), историк-китаевед, преимущественно медиевист. Профессор (1967). В 1928 окончила Харьковский университет. Д.и.н.(1967). Преподаватель исторического факультета МГУ (с 1944), в 1956-1972 преподавала в Институте восточных языков при МГУ (зав. кафедрой истории Китая).

⁷⁰ Востоковедные кафедры существовали на историческом факультете МГУ до 1956, когда на их базе (а также на базе востоковедных кафедр филологического факультета МГУ) был создан Институт восточных языков МГУ (с 1972 – Институт стран Азии и Африки МГУ).

⁷¹ *Конрад Николай Иосифович* (1891-1970), один из крупнейших отечественных востоковедов, японист, китаевед. Доктор филологических наук (1934), профессор (1926), член-корреспондент АН СССР (1934), академик (1958). Профессор Московского института востоковедения (1941-1950), МГУ. В июле 1938 арестован как «японский

удалось познакомиться. Я понимал, что, приезжая сюда, я приезжаю, хоть в какой-то мере, на подготовленную почву. Ведь не только я многих знал, но и многие знали меня. С теми, кто был в Китае в составе той советской группы, у меня были очень хорошие отношения: с М. В. Крюковым, с Е. П. Сеницыным⁷², с Л.С. Васильевым⁷³, с Л. С. Переломовым⁷⁴. Так что, я их знал, они знали меня. И я понимал, что тут передо мной открываются возможности творческой работы в той области, которая меня действительно интересовала. Не могу сказать, чтобы современные проблемы Китая, которыми я занимался в Польше, меня совсем не интересовали. Но это было, всё-таки, «не то, что любят тигры», как говорил Винни-Пух. Мне было куда интереснее заниматься тем, чем я потом занимался и занимаюсь до сих пор.

В: Вы приехали в Москву и стали работать сразу в Институте Востоковедения?

О: Это был тогда Институт Народов Азии. Когда я останавливался в Москве проездом из Пекина, то тогда ещё существовал Институт Китаеведения⁷⁵, и мы, в частности, с Натальей Павловной туда тоже заходили. Но пока я был в Польше, его расформировали и, с одной стороны, часть сотрудников стали готовить создание Института Дальнего Востока, а остальные сотрудники, поскольку в свое время Институт Китаеведения был создан на базе китаеведов Института Востоковедения, то они туда и вернулись. Тогда он назывался Институтом Народов Азии. Я там работаю с апреля 1967 года.

В: Причисляете ли Вы себя к какой-нибудь научной школе?

шпион», осужден к 5 годам заключения, освобожден в сентябре 1941. С 1931 – сотрудник ИВ АН СССР, сыграл важнейшую роль в возрождении института в Москве.

⁷² *Сеницын Евгений Павлович* (1933-2002), китаевед, к.и.н.(1978), специалист по древнекитайской истории и историографии. Окончил истфак МГУ (1956), истфак Пекинского университета (1962). Сотрудник ИВ АН СССР (1966-1998)

⁷³ *Васильев Леонид Сергеевич* (р. 1930), востоковед (историк, социолог, религиовед), преимущественно китаевед. Д.и.н. (1976). Сотрудник ИВ АН СССР с 1956. С 2007 – профессор Высшей школы экономики, заведующий кафедрой (с 2011 – лабораторией). Автор большого количества работ по истории Востока, разработал оригинальную концепцию мировой истории, генезиса государства.

⁷⁴ *Переломов Леонард Сергеевич* (р. 1928). Китаевед, специалист по истории и философии древнего Китая. Д.и.н. (1970), профессор. С 1955 – сотрудник ИВ АН СССР, с 1973 – сотрудник ИДВ АН СССР. Президент Русского конфуцианского Фонда, президент Московской федерации ушу, президент Московского Дома Конфуция, член Правления Международной Конфуцианской Ассоциации.

⁷⁵ Институт китаеведения существовал в 1956-1961, издавал журнал «Советское китаеведение». После ликвидации института большинство его сотрудников перешло сначала в Отдел Китая Института народов Азии, а затем - в ИДВ АН СССР (основан в 1966 г.), меньшая часть (в основном специалисты по древней и средневековой истории) остались в Отделе Китая.

О: Нет, не думаю. Я могу говорить о людях, к которым я был близок в научном плане, но ни к какой школе я себя причислить не могу.

В: В каких научных сообществах состоите?

О: Я состоял в Европейской ассоциации китаеведов⁷⁶. Но, поскольку я поступил туда в личном порядке, за меня никто не платил взносы, а самому платить не всегда удобно. Тем более, пока существовал Советский Союз я даже не мог официально поехать на какой-нибудь конгресс, только по частному приглашению. Такая была глупая система: по приглашению на конгресс не могли оформить (выездные) документы. Посылать туда членские взносы я тоже не мог, это было невозможно. Чтобы их заплатить, надо было поехать куда-нибудь во Францию или Германию. То есть, нужно было платить за дорогу, за проживание, да ещё и взнос за участие. А отдача была не очень большая, иногда на этих конференциях были интересные доклады и новая информация, но всё-таки обычно эти конференции не производили на меня такого уж впечатления. Я думаю, наше «Общество и государство в Китае», в значительной мере, лучше, чем то, что было там. Потому что приезжают люди, которые понимают, что они выступают перед другими людьми, которые их хорошо знают – неудобно ударить лицом в грязь. Конечно, есть такие, которым на это наплевать, потому что у них в принципе ничего за душой нет, и им приходится выступать с тем, что у них есть. Причем и они всё-таки стремятся выступить получше, произвести впечатление. Поэтому каждый из нас всё-таки стремится сделать доклад на хорошем уровне, а туда часто приезжали люди, которые иногда вообще с китаеведением имели довольно отдаленные связи. Зачастую это были не профессиональные китаеведы, а так, околоскитаеведческая публика. Эти конгрессы были интересны в основном потому, что человек получал возможность личных контактов, личных разговоров, можно было получить какие-то материалы, купить что-нибудь из западной литературы, что у нас было тогда абсолютно недоступно. Но, в общей сложности, польза от этого, в моем случае, была значительно меньше того, что приходилось за это платить. Конечно, другое дело было для тех, кто ехал туда как официальные представители Советского Союза – им все оплачивалось, да ещё и выдавались какие-то деньги. К тому же, всё-таки для них это была уникальная возможность куда-то вырваться, а я, как польский гражданин, мог ездить достаточно свободно, мне это было не так уж нужно.

В: Ваш взгляд на российское китаеведение в целом? Что в нём изменилось за то время, что Вы его наблюдаете?

---

⁷⁶ Европейская ассоциация китаеведов (European Association of Chinese Studies, *Оучжоу ханьсюэ сюэхуэй* 歐洲漢學學會), основана в 1975, зарегистрирована в Париже. Каждые два года проводятся конференции ассоциации.

О: К сожалению, я должен сказать, что развитие российского китаеведения идет по наклонной плоскости, вниз. Причем, это не вина людей, не вина конкретных китаеведов, а вина общей ситуации. Конкретный пример – наш отдел. Когда я пришел в него в 1967 году, в нём было почти пятьдесят человек. В том числе группа по древнему Китаю, шесть-семь человек. Причём там были такие «тузы» как Вяткин⁷⁷, Думан⁷⁸, Таскин⁷⁹, Рубин⁸⁰, Васильев! Это была мощная группа, которая действительно могла очень многое друг другу дать. Мы всё время выступали, внутри отдела бурлила научная жизнь, систематически были встречи, причем не только дисциплинарно-производственные, а научные. Мы делали доклады, обсуждали их, и так далее. Что сейчас от этого осталось? Восемнадцать человек. Что касается древности – хорошо хоть, что вы пришли: ты⁸¹, Марина⁸², в какой-то мере, С. И. Блюмхен⁸³. Всё-таки мне подспорье. Но из той группы я остался один в отделе. Как бы мы это не оценивали, даже если бы остались только самые лучшие, то одно дело – когда нас пятьдесят человек, и совсем другое – когда восемнадцать. И это касается и Института в целом. Так что, к сожалению, хорошо хоть что ещё существует Институт Дальнего Востока, он немножко спасает положение.

---

⁷⁷ *Вяткин Рудольф Всеволодович* (1910-1995), китаевед, переводчик «Записей историографа» (*Ши цзи*) Сыма Цяня. В 1939 окончил ДВГУ. Преподаватель ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939-1956). С 1956 – сотрудник ИВ АН СССР, вскоре становится заместителем директора Института китаеведения. В 1960-1967 возглавлял Отдел Китая ИВ АН СССР. Долгие годы возглавлял Сектор древней и средневековой истории Китая, в котором работал и С. Кучера.

⁷⁸ *Думан Лазарь Исаевич* (1907-1979), китаевед, историк. Д.и.н.(1965). Преподаватель ЛГУ (1936-1941), Московского института востоковедения и МГИМО МИД СССР (1954-1956). Сотрудник ИВ АН СССР (1935-1940, 1952-1956, 1962-1979). В 1956-1961 работал в Институте китаеведения (заместитель директора). Участник ВОВ.

⁷⁹ *Таскин Всеволод Сергеевич* (1917-1995), китаевед, переводчик. Родился в Забайкалье в семье депутат Государственной Думы, вырос и учился в Харбине. В 1954 переехал в СССР. С 1957 – сотрудник Института китаеведения, затем перешёл в ИВ АН СССР.

⁸⁰ *Рубин Виталий Аронович* (1923-1981), китаевед, философ, специалист по истории политической мысли древнего Китая. Участник ВОВ, в 1951 окончил исторический факультет МГУ. В 1953-1968 – референт в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР, с 1969 по 1972 – сотрудник ИВ АН СССР. В 1972 стал добиваться выезда в Израиль, был уволен с работы, участвовал в диссидентском движении (член первого состава Московской Хельсинской группы). Выехал в Израиль только в 1976. В 1976-1981 – профессор Иерусалимского университета.

⁸¹ *Дмитриев Сергей Викторович* (р. 1979), ученик С. Р. Кучеры, специалист по древней и средневековой истории Китая, Центральной Азии. С 2005 работает в Отделе Китая ИВ РАН.

⁸² *Кузнецова-Фетисова Марина Евгеньевна* (р. 1978), ученица С. Р. Кучеры, специалист по истории и археологии древнего Китая (эпоха Шан). С 2005 работает в Отделе Китая ИВ РАН.

⁸³ *Блюмхен Сергей Иванович* (р. 1956), ученик С. Р. Кучеры, специалист по истории и идеологии древнего Китая. Сотрудник Отдела Китая ИВ РАН.

В особенности те из сотрудников, кто попал туда из нашего института, кто занимается фундаментальными исследованиями, такие как Переломов или Сорокин⁸⁴. Это хорошие специалисты, они много чего могут сделать. Поэтому они мобилизовали людей, издали эти несколько томов энциклопедии «Духовная культура Китая»⁸⁵. Я считаю, что это действительно очень хорошая работа, такой *opus magnum*, или, как там написал Кобзев⁸⁶, - *summa sinologiae*, это хорошо звучит. Но в целом, конечно, российское китаеведение ослабело, и особенно в нашем институте, да и не только. До меня доходят отголоски того, что происходит в Новосибирске. Там всё же тоже была довольно сильная группа молодых людей, которые, правда, специализировались в археологии самой Сибири. Но они попутно занимались и археологией Китая, бывали в Китае. Но сейчас тоже часть оттуда ушла, часть больше Китаем не занимается... Так что, там тоже ситуация плохая. Но я подчеркиваю, это не потому, что люди стали хуже или выжили из ума, а просто общая обстановка такова, что люди не идут в науку. Когда ещё был Советский Союз, то к нам в аспирантуру всегда было вдвое-втрое больше желающих поступить, чем было мест. Сейчас берут практически всех, потому что почти никто не хочет поступать. Люди не рвутся, потому что молодой человек не пойдет на нашу зарплату, если он может пойти в какую-нибудь организацию рядом и получать гораздо больше. Сейчас это немножко изменилось, но не принципиально. У нас тяжелый труд, а зарплата – абсолютно не по труду. Мои коллеги на Западе зарабатывают всё-таки по их труду, вполне прилично. Кроме того, у нас ещё и многие другие вопросы не решаются, как там. У них нет никаких проблем с поездками, почти всегда можно получить от университета соответствующие деньги на командировку, без всяких усилий, и ничего не надо доказывать. Гораздо проще там с покупкой книг, с подпиской на журналы. Я, например, на китайские журналы подписаться не могу. А во Франции для китаеведа – это очень просто, можно просто пойти на почту и

---

⁸⁴ Сорокин Владислав Федорович (р. 1927), китаевед, литературовед, переводчик. Родился в Самаре, окончил МИВ (1950). Преподаватель МИВ, истфака МГУ, МГИМО МИД СССР (1950-1957). В 1957-1961 – сотрудник Института китаеведения, в 1961-1967 – Института народов Азии, с 1967 работает в ИДВ.

⁸⁵ Энциклопедия «Духовная культура Китая» под общей редакцией М. Л. Титаренко, в 6-ти тематических томах, вышла в 2006-2010. Самое объемное синологическое энциклопедическое издание на русском языке. Общий объем материала – 620 п.л. В 2011 М.Л. Титаренко, и его заместители по редколлегии – А.И. Кобзев и А.Е. Лукьянов награждены за подготовку энциклопедии Государственной премией РФ.

⁸⁶ Кобзев Артем Игоревич (р. 1953), китаевед, специалист по древней и средневековой китайской философии и идеологии, организатор науки. В 1975 окончил философский факультет МГУ, с 1978 работает в ИВ АН СССР. Д.филос.н.(1989), профессор (1999). С 2011 возглавляет Отдел Китая ИВ РАН. Лауреат Государственной премии РФ за работу над энциклопедией «Духовная культура Китая».

подписаться. То есть, хуже не только финансовая сторона, но и условия работы. Вот, раньше при Президиуме Академии наук существовал специальный отдел, где доктора наук и академики раз в год могли на пятьдесят тогдашних рублей (тогда это было примерно 70-80 долларов), потом это повысили до ста рублей, заказать за рубежом нужные книжки или журналы. Это не была подписка, просто каждый год можно было заказать те или иные номера. Притом, поскольку тогда китайские материалы были довольно дешевыми, то даже на эту небольшую сумму китаевед мог заказать очень много, это было большое подспорье. Хотя, конечно, если человек хотел купить какую-нибудь хорошую книгу на Западе, то ему как раз хватало на одну, может быть на две. Но и это неплохо. Потом, когда рухнул Советский Союз, это тоже рухнуло. И сейчас никто не думает о том, чтобы эту традицию восстановить. Хотя сейчас это было бы очень хорошо, потому что страна окрепла, и в стране и у людей кое-какие деньги есть. Государство могло бы чуть раскошелиться, чтобы создать организационную структуру, которая бы этим занималась. Раньше этот отдел получал каталоги буквально со всего мира, этим занимались специальные сотрудники. И очень легко можно было заказать то, что интересно. А сейчас я не могу ничего заказать, потому что я не знаю, что выходит. Конечно, кое-что можно заказать по Интернету, но в абсолютно частном порядке. Это большие суммы, да и, всё равно, доставка в Россию не очень хорошо работает. Я боюсь, что эти наблюдения касаются не только китаеведения, и даже не только ориенталистики. Думаю, сейчас и вообще гуманитарные науки в целом живут за счет вот таких стариков, которые уже настолько привыкли, что продолжают работать за свою скромную зарплату и никуда не бегут.

В: Вы работали в советском китаеведении более двадцати лет. Был ли там какой-то вектор развития, или было более-менее ровная научная жизнь?

О: При мне было довольно ровное существование, потому что перед этим был большой всплеск. Эти «поцелуйные» отношения между Советским Союзом и Китаем, с 1949-го по 1960 годы, дали просто «атомный взрыв» в области китаеведения. Если ты посмотришь: классическая литература вся переведена тогда, книжки по древней и средневековой истории выходили, переводы выходили, выходил даже отдельный журнал⁸⁷. Правда, потом его закрыли, но это были уже политические игры. Закрытие Института китаеведения, которое тоже произошло по политическим причинам, было ошибкой. Оно было обусловлено влиянием китайцев, я точно это знаю. Китайцы поставили вопрос так: зачем вам этот институт? Если вам что-нибудь будет нужно, то мы для вас сделаем. А поскольку отношения были хорошими, то решили

---

⁸⁷ «Советское китаеведение», выходил в 1958.

прислушаться к китайским товарищам. Это была глупость. Тогдашняя система вообще отличалась всеобщей глупостью, потому что иначе эти люди не умели мыслить. Это просто удивительно для меня, тем более, что марксизм вообще всегда подчеркивает, что необходимо смотреть на вещи в развитии, вопрос не только в том, что происходит сейчас, надо уметь из современной ситуации уметь спроецировать её развитие в будущее и понять, что может произойти через пять-десять лет. Причем не обязательно назначать какие-то конкретные планы, как Ленин, который хотел сделать революцию, речь не об этом. Но, всё-таки, надо понимать, что может произойти через некоторое время и что, в связи с этим, нужно делать. Совершенно очевидно, что для Советского Союза Китай – враждебный ли, дружеский ли, я бы даже сказал: враждебный больше, чем дружеский – это объект заботы в любом случае. Потому что это огромная страна, это страна перенаселенная, с огромным и быстро растущим населением – в Китае едва ли не каждые два-три года прибывает больше народа, чем в России вообще есть. Нужно с этим считаться, нужно иметь представление, что там происходит, и что может произойти через пять лет, через десять лет. Не надо впадать в истерику по поводу жёлтой опасности, но надо и понимать, что они просачиваются в Сибирь, где невозможно так закрыть границу, чтобы никто не мог через неё проникнуть. Это даже в Советском Союзе было почти невозможно, а в России тем паче. Значит, этим нужно заниматься, и Институт китаеведения был бы очень кстати. Но – его ликвидировали, по глупости. К сожалению, люди не соображают, что это очень существенно. Так получилось, что на протяжении моего пребывания в Москве я сталкивался с разными людьми, многие из которых работали в МИДе, и они через некоторое время сами признавались, что часто их действия (не обязательно в Китае: в Африке, а арабских странах) были недостаточно продуманны. В частности и потому, что они не учитывали всего того, что они могли бы получить от Института Востоковедения, если бы они этому Институту дали возможность (на существование). Вот, одно время, особенно когда пришел Примаков⁸⁸, поскольку он стремился к политической карьере, которую он, как известно, блестяще и сделал, став премьером и ещё много кем, он постоянно заставлял наших сотрудников писать справки для ЦК. Но никогда ни одна из этих записок никакого воздействия, на самом деле, не имела. Я подозреваю, что так происходило потому, что эти люди там считали: «Что там пишут эти китаисты? Я же начальник отдела, сижу тут. Конечно, я лучше их знаю, что надо». Да и вообще они были, думаю, не очень способны всё это прочесть и осознать. Когда я работал в Варшаве, то наш институт очень много контактировал с польским МИДом. Там всё это

---

⁸⁸ *Примаков Евгений Максимович* (р. 1929), востоковед, советский и российский политический и государственный деятель. В 1977-1985 – директор ИВ АН СССР.

было устроено совсем иначе. Наш институт мог бы дать многое, если бы они просили нас писать. Только писать не то, что они хотят от нас услышать, а то, что мы считаем нужным, как мы это видим. А то, когда СССР с Китаем поссорились, то нас всех заставляли писать отрицательно о Китае – это же глупость! Было же с самого начала ясно, что эта «культурная революция» продлится, ну, пять, ну, десять, ну, пятнадцать лет. Но потом эта волна схлынет, не может не схлынуть! Страна не может жить в условиях казарменного социализма на протяжении веков! История Китая показывает то же самое: до чего был мощный человек Цинь Шихуан-ди, но умер – и всё! Было же ясно, что Мао Цзэ-дун тоже умрет! Было ясно, что после его смерти ситуация не может не измениться. Даже в Корее, где, в отличие от других стран, Ким Ир Сен постарался сделать всё, чтобы сохранить ситуацию, передал власть сыну – и то там многое изменилось! Нынешняя Корея, конечно, всё равно паршивая, там сталинский социализм. Но, всё-таки, это уже совсем не та Корея, которая была при Ким Ир Сене. Потому что когда исчезает такая мощная личность, то всегда меняется ситуация в стране. Нельзя жить моментом. Было же понятно, что те, наверху, которые ссорятся – они не вечны. Было ясно, что и Мао умрёт, и Брежнев умрёт. Ну, или Хрущев. Правда, никто, конечно, не ожидал, что он так уж быстро состарится и, вдруг, уйдёт на пенсию. Но было ясно, что рано или поздно это произойдет, и ситуация обязательно изменится. Но никого это не волновало, что сейчас – то сейчас, а потом – хоть потоп.

В: Реформы после смерти Мао как-то отразились на нашем китаеведении?

О: Да, это довольно быстро отразилось. У меня как раз должна была выйти книжка, и в ней было предисловие, где были отмечены всякие отрицательные моменты. Я это делал не потому, что мне кто-то это приказал или я хотел выслужиться. Просто я относился к этому критически, потому что к этому нужно было относиться критически. То, что отрицательно – то отрицательно, об этом можно и надо говорить. И даже когда говоришь о текущем моменте, нужно писать о нём с определенной отстраненностью. А мы всегда – как головой в омут. Поэтому, как только там всё произошло и стало понятно, что Дэн Сяо-пин вернется к власти, то сразу стали притормаживать антикитайское направление, и был дан сигнал, что надо быть помягче. Нас это коснулось в минимальной степени, всё-таки мы пропагандой почти не занимались. То, что я тогда писал, я и сейчас повторить могу. Я это писал не потому, что это кому-то нравилось, а потому, что это объективно так было. Вообще, даже когда началась эта кампания, что нужно охаивать всё китайское, наш

отдел в этом не участвовал, благодаря Льву Петровичу Делюсину⁸⁹. Он единственный и в нашем институте, и вообще, кто не позволил себя согнуть, кто не допустил, чтобы наш отдел ринулся догонять Институт Дальнего Востока, который в этой кампании участвовал всеми силами, потому что они считали, что это их прямая обязанность. Поэтому нашего отдела эти изменения коснулись в меньшей степени. Но даже у нас стало сразу понятно, что можно писать спокойнее и объективнее. Впрочем, конкретная ситуация зависела от каждого конкретного человека. Например, всегда были люди, которые особенно любили цитировать классиков марксизма-ленинизма, всегда стоявших первыми в списке литературы. И они всегда старались вставить цитатку, даже если это было не очень нужно. Сталина, правда, вставляли перестали, после его развенчания, но как же не вставить Ленина, Маркса? Я за всю жизнь только один раз процитировал Энгельса, и то, только потому, что это было к месту. Энгельс писал про немецкую марку, и то, что он там написал, было по делу и вполне мне подходило. Вообще, это ведь были образованные люди. Я не разделяю их политических взглядов, но охаивать их как мыслителей не надо. Для своего времени они были, без сомнения, крупными учеными. А то, что они выдвигали те или иные политические теории – что ж, хочешь – верь, хочешь – не верь. Так вот, я тогда эту цитату вставил, потому что она была к месту. А многие вставляли большие цитаты просто когда им нечего было написать, и всё было прекрасно.

В: То есть, всё-таки основной взлет советского китаеведения пришелся на 1949-1960 гг., а потом интерес к Китаю снизился?

О: Нет, не то чтобы интерес снизился. Просто в этот первый период было так много сделано, что потом уже просто невозможно было продолжать на том же уровне. Посуди сам – «Сон в Красном тереме» (*Хун-лоу мэн 紅樓夢*) был уже переведен, «Речные заводы», «Си-юй цзи» 西域記 («Путешествие на Запад») – переведены⁹⁰. Что тут ещё можно сделать? Конечно, китайская литература очень большая, можно найти (и другие книги для перевода). Но, всё-таки, это будет несравнимо по важности.

---

⁸⁹ Делюсин Лев Петрович (р. 1923), китаевед, д.и.н.(1971). Специалист по новейшей истории Китая. Участник ВОВ. Окончил МИВ (1950). В 1950-1953 – корреспондент газеты «Правда» в КНР, в 1953-1958 – обозреватель этой газеты. В 1960-1965 – референт-консультант ЦК КПСС. В 1965-1966 – сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (ныне Институт экономики РАН). В 1966-1967 – зам. директора Института международного рабочего движения АН СССР. В 1967-1990 – зав. отделом Китая ИВ АН СССР. В 1970-1972 – директор ИНИБОН АН СССР (ныне ИНИОН РАН). С 1990 работает в Институте экономики РАН.

⁹⁰ Роман «Сон в красном тереме» переведен Владимиром Андреевичем Панасюком (1924-1990) (издан в 1958); «Речные заводы» и «Путешествие на Запад» - Алексеем Петровичем Рогачевым (1900-1981) (первый – при участии Всеволода Сергеевича Колоколова (1896-1979)). Перевод «Речных заводов» вышел в 1955, «Путешествия на Запад» - в 1959.

Нужно помнить, к тому же, что абсолютно не каждое произведение может быть переведено на русский язык и быть интересным для читателя. Это своеобразная литература: не всем она нравится, не все её могут осилить. Конечно, после такого взрыва, после того, как на рынок выплеснулось такое количество китаеведческой литературы, нужен был своего рода спад, нужно было отдохнуть. Но это был спад объективного характера, в отличие от того спада, который мы видим сейчас, который вызван внешними факторами, развалом страны и так далее. Тот спад должен был произойти, потому что уже столь много было сделано, что уже нельзя было и дальше делать столь же много.

В: Ваш взгляд на зарубежное китаеведение и китаеведов?

О: Из зарубежного китаеведения я бы поставил очень высоко четыре страны. Прежде всего, это, конечно, Соединённые Штаты. Это понятно, поскольку это страна, которая ведет огромную международную политику. Ей до всего есть дело и до всех есть дело, Китай тоже играет в ней колоссальную роль. При этом у них в то время, когда у нас был расцвет, как раз было затухание – у них не было дипломатических отношений, американцы в Китай не ездили, китайская литература в Америку почти не поступала, поэтому им было, конечно, трудно работать. Но потом, ситуация поменялась, и когда для нас Китай стал труднодоступен, то для них как раз всё стало проще. И, конечно, они этим воспользовались, они делали и делают очень многое. К тому же, как я мог наблюдать, у них система образования устроена так, что они гораздо лучше овладевают более широким кругом материала. Я встречался с довольно широким кругом молодых американцев, и они все в той или иной степени знали японский язык. При этом, конечно, они довольно хорошо говорили по-китайски и понимали китайцев. Но японским они тоже могли пользоваться, по крайней мере, на уровне чтения. В отличие от нас: у нас, как правило, даже если в списке литературы есть японские книги, то обычно это не значит, что человек это прочитал – просто эти названия взяты из каталога библиотеки. Там почти везде есть английское резюме – с ним и работают. Американцы в этом плане подготовлены лучше. Это вообще касается Запада, но в особенности американцев, они на это обращают особенное внимание.

Потом, конечно, Англия, Франция и Германия. Там, во-первых, очень старые научные традиции, и это очень важно. И, во-вторых, там везде есть большая китайская диаспора. Как-то мне один из моих французских друзей сказал: «Понимаешь, мы сейчас все тут сидим и трясемся от страха. Вот, смотри: у нас столько-то китайцев проживает во Франции. По меньшей мере, две тысячи из них имеют высшее образование. Представляешь, если они захотят пойти в китаеведение, то нам уже делать будет нечего!». И сейчас это уже активно происходит, потому что они, живя во Франции, уже хорошо знают французский язык, они могут писать и говорить. А так

как они знают китайский язык, современный и, часто, классический – тут с ними трудно тягаться. Поэтому это, конечно, даёт хороший и большой результат. Я сталкивался с тем, что, даже если эти китайцы сами не пишут, у них есть возможность давать консультации.

Вот, у нас в отделе в своё время было два китайца – Крымов⁹¹ и Ду И-син⁹². Крымов сам работал, он защитил кандидатскую диссертацию, потом докторскую, и он никаких консультаций не давал. Кроме того, он занимался только современностью. И тут, и там был в партии, работал в Коминтерне. Занимался современной политикой, идеологией, партийной жизнью. Ду И-син, в отличие от него, помогал нашим коллегам освоить классические тексты, давал консультации. Но кем был Ду И-син? Это был простой крестьянин из Шаньдуна, который ездил на Дальний Восток на заработки, и в очередной раз не смог вернуться, потому что закрыли границу. Семья у него осталась там, а ему пришлось остаться тут. Он, конечно, был грамотным, но на уровне обычного человека, а не специалиста. Потом, конечно, о нем «позаботилась» советская власть, он довольно долго «находился на полном гособеспечении». А потом, когда великий вождь советского народа ушел в небытие, его освободили, реабилитировали, и он приехал в Москву, где стал работать в нашем отделе и консультировать. Надо ему отдать должное, через несколько лет он поднатерел. Он отнесся к этому очень серьезно, стал читать древние и средневековые тексты, которые он должен был помогать понять. Но, все равно, это не был подготовленный специалист, как те, которые живут во Франции или Германии. У тех очень хорошая китайская подготовка, они в Китае кончают хотя бы среднюю школу, а кто и университет. Потом кое-кто ещё кончает университет на Западе. Т.е., у них есть специальная подготовка на том высоком уровне, который возможен в современной науке.

---

⁹¹ *Крымов Афанасий Гаврилович* (Го Шао-тан) 郭肇堂 (1905-1988). Китаевед, специалист по новейшей истории Китая, сотрудник Коминтерна, китайский революционер. Профессор (1961), д.и.н.(1962). Родился в провинции Чжэцзян. Учился в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). С 1928 преподавал в КУТВ, Коммунистическом университете трудящихся Китая (КУТК). В 1934 окончил Институт красной профессуры, стал кандидатом наук (без защиты диссертации) (1935). Работал в Коминтерне, был политсекретарем Г. Димитрова. 23.03.1938 арестован, 27.04.1939 осужден на 15 лет по ст. 58-1, 58-11 УК РСФСР (контрреволюционная деятельность в составе организованной группы). В заключении до 20.03.1953, до 13.11.1954 в ссылке в Красноярском крае. В 1954 приговор 1939 отменен «за недостаточностью улик». В 1955-1988 сотрудник ИВ АН СССР.

⁹² *Ду Жи-синь* (杜日新, Ду И-син – собственный вариант озвучивания имени). К сожалению, более подробных сведений о нём не найдено. По воспоминаниям А.А. Бокшанина, в секторе истории при институте в 1950-1960х работал и третий китаец, по имени Линь Цзе-юнь, который тоже оказывал техническую помощь в переводах китайских текстов на русский язык.

Я очень любил и уважал Ду И-сина. Я любил с ним разговаривать, но с ним было трудно, потому что он не имел подготовки. К тому же он был шаньдунец, поэтому его китайский нелегко было понять. Но поскольку мой профессор тоже был шаньдунец, то я немножко привык и мог с ним говорить. Чжан Чжэн-лан, конечно, говорил на *путунхуа*, но с шаньдунским произношением, часто с шаньдунскими словами. Я сначала этого не понимал, а потом узнал, что он из Шаньдуна, и всё встало на свои места. Поэтому понять Ду И-сина было тяжело, и те, кто пользовался его услугами, разговаривали с ним, как правило, только по-русски, что, с моей точки зрения, было плохо, потому что они не упражнялись в китайском языке. Правда, часто они и не могли упражняться, потому, что не знали китайского языка. А он, в свою очередь, по-русски говорил очень плохо. Кстати, Крымов тоже, хотя он и был доктором наук. Понять часто было почти невозможно. И, конечно, когда люди так говорят, то они и помочь могут очень ограниченно. Но, вот, он скончался, и сейчас и вовсе никого в отделе нет, кто бы мог давать такие консультации. А там (на западе) такой проблемы нет. Там, наоборот, слишком много желающих работать в университетах и институтах. Поэтому, конечно, мы в более трудной ситуации.

Несколько особое место, с моей точки зрения, занимает японское китаеведение. В целом, конечно, это хорошее китаеведение, они многое делают, и это понятно, потому что их культура выросла на базе китайской культуры. Китай рядом, и он для них намного важнее, чем любая другая страна, может быть, кроме Америки. Но Китай всё-таки даже важнее, потому что они его боятся. Китай стал мировой ядерной державой, стал намного сильнее, а что они могут им противопоставить? Сколько бы у Китая ни было боеголовок, на Японию хватит. Поэтому, конечно, китаеведение там сильное. Но они часто идут по пути наименьшего сопротивления: они просто оставляют китайский текст, а катаканой добавляют грамматические связи. За этим иногда что-то следует, а иногда и ничего не следует. Бывает, когда читаешь (особенно это касается, конечно, классических книг), то становится непонятно: сам-то автор понимал, о чём идет разговор? Так бывает и с китайскими учеными. Мы-то все не можем спрятать своё непонимание! Мы можем соврать, но это будет сразу понятно, а так-то, если подходить честно, то мы должны всегда сначала сами докопаться до сути или признаться, что мы не понимаем. Я так и делаю: если я что-нибудь не понимаю, то я всегда пишу, что данный вопрос не ясен, или есть несколько возможных интерпретаций. Они этого не делают почти никогда, и это слабое место в их китаеведении. По крайней мере, так было несколько лет назад. Может быть, сейчас многое изменилось, я уже довольно давно никуда не выезжал и с японскими учеными не встречался. Но я знаю, что у них бывают специалисты несколько сомнительного уровня. В любом случае, конечно, жаль, что у

нас такая подготовка, что люди, которые приходят в китаеведение, не знают японского. Было бы лучше, если бы они его знали. Тут есть два существенных момента: во-первых, подготовка в университетах, где, по-видимому, с этим есть свои трудности и организационного, и финансового характера, и, во-вторых, вопрос оплаты. Ведь чем больше человек тратит сил и времени на подготовку, тем больше он потом хочет получать за свой труд. А у нас, увы, достойных зарплат не предлагают. Сейчас лучше, чем было. Но, всё равно, совершенно не соответствует тем усилиям, которые человек должен приложить для того, чтобы достичь необходимой квалификации. А если к этому ещё добавить японский язык?

В: Что Вы можете сказать про китайское и тайваньское китаеведение?

О: К сожалению, несмотря на то, что на Тайване их технические возможности были лучше, чем на континенте (сейчас это очень выравнивается, Китай обращает на это внимание; к тому же, большую роль сыграло присоединение Гонконга), тайваньское китаеведение не может сравниться с континентальным, по очень простой причине – они не могут иметь столько институтов, столько людей, такую огромную издательскую базу, как в КНР. Всё-таки, на Тайване проживает 22 миллиона человек, а на континенте – 1 млрд. 350 млн. Поэтому у них больше университетов. В каждой провинции есть свой провинциальный музей – крупное выставочное и научное учреждение. Кроме этого, если раньше были только археологические группы при этих музеях, то теперь почти во всех провинциях есть отдельные институты археологии или археологии и памятников материальной культуры. Во многих провинциях есть и институты истории. Издается огромное количество журналов, не говоря уж об издательстве книг. На Тайване есть Институт истории, языка и археологии⁹³. Он насчитывает несколько десятков человек, и это практически все. Ещё, конечно, есть *Гугун боугуань*⁹⁴, но они раньше там

---

⁹³ Институт истории и языка Академии Синика (*Чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо* 中央研究院歷史語言研究所) был первым институтом, созданным в составе Академии в 1928. В годы войны с Японией институт был единственным научным учреждением, которое сохранило кадровую и материальную базу и продолжило работу. В 1954 институт возобновил работу на Тайване – с материка удалось эвакуировать большую часть библиотеки и археологических коллекций, а также около половины сотрудников. Институт состоит из четырёх департаментов – истории, археологии, антропологии и филологии (основан в 1958 как центр изучения надписей на гадательных костях, получил своё нынешнее название в 1990). Департамент лингвистики в 2004 отделился и стал отдельным институтом. Институт имеет свою библиотеку и музей, является одним из ведущих мировых центров изучения китайской истории и археологии (см. <http://www.ihp.sinica.edu.tw/english/introduction.html>).

⁹⁴ Национальный Дворец-музей Гугун, *Го-ли Гугун боугуань* 國立故宮博物館, основан 10 октября 1925 вскоре после изгнания из Запретного города в Пекине последнего императора Китая Пу-и. Основу музея составили сокровища императорского дворца. В

особой исследовательской работы не вели. Может быть, сейчас что-то изменилось, потому что там сейчас стал директором бывший директор этого института⁹⁵. Может быть, он что-то стал делать. Ещё есть университет в Тайбэе и других городах, там есть исторические факультеты, есть истфаки педвузов, но всё, вместе взятое, я думаю, в лучшем случае может равняться с Нанкином, может быть – с Шанхаем, но очень вряд ли – с Пекином.

В: Но ведь, казалось бы, они могли бы, используя достижения материковых ученых, сохранив утраченные там научные традиции, и не будучи задавлены идеологически, выдавать какую-то качественно более совершенную продукцию?

О: Понимаешь, теоретически это так. Но, всё-таки, количество людей, которые занимаются той или иной проблемой, играет очень большую роль. Большее количество людей означает, что среди них может быть больше особенно талантливых и знающих людей. Достигается некий кумулятивный эффект: те, кто позади, ориентируются на тех, кто впереди, стараются им соответствовать. И третий момент: если иметь в виду историю в целом и древнюю в частности, то там очень существенную роль играют достижения археологии. Чем больше делается археологических открытий, тем больше всплывает нового материала. В Китае, как известно, довольно много всплыло древних текстов. Появляются новые сведения о материальной культуре, сведения о жизни людей, сельском хозяйстве, торговле. Никаких таких находок на Тайване быть не может. Там ведутся работы, но это всё касается в основном палеолита и неолита. Размах работ, конечно, не может сравниться с работами, которые ведутся на материке. Я вообще считаю, что ни одна страна не делает так много в археологии, как Китай. Китайская республика на Тайване не может себе этого позволить. Да и там, в общем, почти нечего копать по истории собственно Китая. Контакты Тайваня с материком не были столь велики, чтобы, например, ханьский или танский период оставил в истории Тайваня сколь бы то ни было глубокий след. Никаких революционных находок там сделано быть

1933, перед лицом японской угрозы, коллекции были вывезены в Шанхай, в 1936 – в Нанкин, затем эвакуированы в Сычуань. В 1947 музей вернулся в Нанкин, но ненадолго – в условиях гражданской войны в период с декабря 1948 по февраль 1949 наиболее ценные части коллекции (около 22 % предметов) были отправлены на Тайвань. Завершению эвакуации помешало взятие Нанкина частями НОАК. В 1964-1965 выстроено новое здание музея (достроено в 1967 и 2002-2007) в Тайбэе. Сейчас коллекция музея составляет 693 507 предметов (коллекции Музея Гугун *Гугун боугуань* 故宮博物館 в Пекине насчитывают 1 807 558 предметов). Одновременно в залах выставляется не более 1 % коллекции. Музей является одним из ведущих мировых центров хранения и изучения китайского искусства и истории.

⁹⁵ Имеется ввиду Ду Чжэн-шэн (杜正勝, Tu Cheng-sheng) (р. 1944), который был директором Института истории и языка Академии Синика в 1995-2000 и занимал пост директора Национального музея Гугун (2000-2004).

не может. К тому же, многие тайваньские ученые очень тесно связаны с американскими университетами, часто они их выпускники, читают там лекции, там лучше заработки, работать там престижно. Они стараются, если есть возможность, попасть туда или, скажем, в Австралию. Это очень распространено среди историков и лингвистов, в меньшей степени – среди археологов, хотя они тоже часто работают как раз в Австралии или в австралийских экспедициях на островах Тихого океана. Но всё это очень их отвлекает от работы на Тайване.

Вообще, Академия Синика⁹⁶ – это, конечно, организация, которая не может сравниться с Академией наук Китая или с Академией общественных наук КНР. Эти институты прекрасно снабжены. Они всегда располагают всем самым современным, самой лучшей аппаратурой, самой свежей литературой, такое есть мало где в мире. Но все они – небольшие организации, по несколько десятков человек. Может быть, иногда доходит до ста сотрудников. Но всё-таки такого, как наш Институт, который даже сейчас, когда от него остались рожки да ножки, все равно насчитывает 400-500 человек, я там не видел. Может быть, вся Академия Синика насчитывает столько людей, и это, конечно, ограничивает их возможности. Да и, как мне кажется, работают тайваньские ученые гораздо меньше, чем их коллеги на материке. Когда я там был, то вечером почти никого нельзя было застать в институте.

---

⁹⁶ Академия Синика (Academia Sinica, букв. «Китайская академия»), Чжунъян яньцзююань 中央研究院 (букв. «Центральный исследовательский институт») основана в качестве центрального органа управления и организации китайской национальной науки в 1928, вскоре после объединения страны под властью Гоминьдана. В годы войны с Японией академия почти не функционировала – институты оказались разбросанными по разным частям юго-западного Китая и потеряли реальную связь друг с другом. В 1946-1948 были проведены многоступенчатые выборы членов академии, действительными членами стали 81 человек. В марте 1948 академия была эвакуирована на Тайвань, правда, в более-менее полном составе и организованном порядке это сделали только Институт истории и языка и Институт математики. Прочие институты фактически прекратили существование. Всего на Тайвань переехало около десятка академиков, даже меньше, чем в США. Только к началу 1960х Академии удалось решить кадровые вопросы и при значительной помощи США возобновить научную работу в полном объеме. Сейчас в состав Академии Синика входят 24 НИИ и 7 исследовательских центров (в том числе 11 институтов и 1 центр в области гуманитарных наук), где работает около 800 научных сотрудников (в т.ч. 231 академик), 775 стажеров и 2150 студентов. Академия Синика – один из известных мировых научных центров и в области китаеведения, и в области естественных наук – среди её сотрудников 8 лауреатов Нобелевской премии. Подробнее см. [Кучера С. Академия Синика и наука Китайской республики. // Восток (Oriens), 1997, № 2, с. 161-167].